

ИМПЕРСКОЕ
МАГИЧЕСКОЕ
АКАДЕМИИ

НАСЛЕДНИК

КОТОРОГО

НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

ШЕРЕМЕТЬЕВЫ

ПРИКАЗ

СЛОВО — ЗАКОН
ЦЕНА — КРОВЬ

ПОГЛОЩЕНИЕ

КОПИРОВАНИЕ
ЧУЖАЯ МАГИЯ — МОЯ СИЛА

КОНТРАКТ

ПОДПИСАНО КРОВЬЮ
СКРЕПЛЕНО ЖИЗНЬЮ

Lost In Space

Lost In Space

**Наследник, которого
не должно быть**

«Автор»

2026

In Space L.

Наследник, которого не должно быть / L. In Space — «Автор»,
2026

Я погиб, успев понять главное: предают чаще всего свои. Вот только смерть оказалась не финалом — я очнулся в другом мире в теле юного княжича Дмитрия Шереметьева, ученика Имперской магической Академии. Казалось бы, живи да радуйся: титул, деньги, будущее. Если бы не одна мелочь — родной клан давно живёт по чужим правилам, родители мертвы, а власть в доме держит дядя, которому наследник совершенно ни к чему. В довесок ко всем семейным радостям у меня просыпается редчайший источник императорской магии приказа и контракта, где каждое слово может стать законом — но за любой закон приходится платить кровью и жизненной силой. А ещё со мной остаётся опасный дар прежней жизни: поглощение и копирование чужой магии. Слишком много силы для парня, которого хотят списать в несчастный случай. В Академии меня встречают хейтеры, дуэли и правила, написанные не для таких, как я.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Lost In Space

Наследник, которого не должно быть

Глава 1

Глава 1 — «Последний рубеж»

Я умер красиво.

Проблема в том, что красиво умирают в балладах, а в реальности это выглядит как: ты стоишь по колено в грязи, по локоть — в крови (в основном чужой), а у тебя в голове только одна мысль — лишь бы они успели уйти.

Небо было пепельно-серое, перечёркнутое рванными полосами заклятий. Слева — горело поле, справа — хрустела под сапогами замёрзшая трава. Передо мной — чёрная линия, на которой мир заканчивался и начиналось то, что нельзя оставлять живым.

Рубеж.

Я держал его уже третьи сутки.

Смешно. В прежние времена я думал, что «держат рубеж» — это красивое выражение. Что-то из учебников, где герои стоят на стенах и пафосно смотрят вдаль. Оказалось, это выражение означает: у тебя нет времени на сон и еду, у тебя нет времени даже подумать о том, что у тебя, возможно, больше нет будущего.

Есть только магия.

И воля.

И люди за твоей спиной.

Они бежали по дороге, которая вела к столице. Кто-то — на повозках, кто-то — пешком, кто-то нес на руках детей и узлы с вещами. Я их не различал по лицам — лица у людей в такие моменты одинаковые. Слишком большие глаза, слишком открытый рот, слишком быстрые движения.

Зато я различал их по звуку.

По тому, как плачет младенец. По тому, как скрипит колесо. По тому, как человек пытается не кашлять, когда в горле кровь.

Сзади, за моей спиной, скрипнула каменная плита — последняя из трёх печатей рубежа. Я не обернулся. Я и так знал, что она треснула.

Третья печать всегда трескается первой. У неё характер такой.

Я поднял руку и медленно, с осторожностью, как будто гладил зверя, провёл пальцами по воздуху. Там была невидимая граница — мой щит. Мой купол. Моя кость в горле у тех, кто наступал.

Он был тёплым. Почти горячим. Это нехороший признак.

— Держится? — спросил кто-то позади.

Голос знакомый. Слишком спокойный для конца света.

— Держится, — ответил я. И добавил, чтобы человек не вздумал обнадёживаться: — Пока я держусь.

— Ты умеешь приободрить.

Я всё-таки обернулся.

Мой советник. Мой лучший ученик. Мой человек, которому я доверял настолько, насколько вообще можно доверять в мире, где у власти всегда есть цена.

Он стоял в двух шагах, в плаще поверх доспеха, и выглядел так, будто пришёл не на линию гибели, а на приём к канцлеру. Даже волосы не растрепались.

Меня это раздражало. Но раздражение — роскошь. Я позволял себе его только потому, что если я перестану быть раздражительным, значит, я перестал быть живым.

— Народ ушёл? — спросил я.

— Почти. Остались хвосты. И обоз с ранеными.

«Обоз с ранеными» — это, конечно, звучит прилично. На деле это десять телег, на которых лежат люди, у которых уже нет будущего, и они это знают. Они просто не хотят умирать на дороге, как собаки. Хотят умереть под крышей. Или хотя бы на соломе.

Я кивнул.

— Тогда ещё час, — сказал я.

— Час? — он поднял бровь. — Ты с ума сошёл. У тебя источник ты же на пределе.

Я усмехнулся.

— Я всегда на пределе, когда это важно.

— Ты не бессмертный, — сказал он тихо. — Даже ты.

Вот тут он был прав. Я не был бессмертным.

Я был сильным.

А это — совсем другое.

Сильные умирают так же, как все. Просто обычно успевают сделать больше гадостей врагам до того, как упасть.

Вдалеке шевельнулась тьма.

Нет, не тьма. Я бы предпочёл, чтобы это была тьма. Тьма — явление нейтральное. Её можно развеять светом, разрезать огнём, прогнать заклинанием.

То, что ползло к нам, было хуже. Оно было организованным.

Чёрные силуэты поднимались над линией горизонта. Вспышки — это работали их маги. Глухой удар — это проседали наши старые мины, закопанные ещё до моей молодости. И свист — не стрел. Свист ветра, который возникает, когда воздух режет чужая сила.

Мой щит ответил лёгкой вибрацией.

Он почувствовал, что к нему идут.

— Они ускорились, — сказал советник.

— Я тоже, — ответил я.

Я разжал пальцы и вытащил из-за пазухи медальон.

Обычный медальон, серебряный, с трещиной по краю. Кто-то сказал бы: «зачем тащить на войну семейную безделушку». А я бы ответил: «а ты попробуй выжить без своих якорей».

Я сжал медальон и прошептал короткую формулу. Не для силы — для ясности.

Внутри головы стало чуть холоднее. Мысли выстроились в ряд, как солдаты.

Я поднял обе руки.

И мир ответил.

Магия не приходит «из ниоткуда». Это сказки для студентов. Настоящая магия — это когда ты чувствуешь, как через тебя протягивается жила, и по ней идёт кровь мира. Если ты умеешь направлять — она становится заклинанием. Если не умеешь — она становится твоей смертью.

Я умел.

Рубеж вспыхнул белым контуром. Купол задрожал, но выровнялся. В воздухе запахло озоном и палёной солью.

— Назад! — крикнул кто-то позади, и я услышал, как побежали последние, кто ещё не успел уйти.

Я видел всё одновременно: как линия врага приближается, как мои печати трещат, как мой резерв тонко пищит где-то на самом дне. Как будто в груди сидит маленький зверёк и скребёт лапами: не хватит не хватит

Я на секунду позволил себе роскошь — подумать о том, что будет, если не хватит.

И тут мой советник сделал шаг ближе.

— Есть способ, — сказал он.

Я не ответил. Способы всегда есть. Вопрос в том, сколько они стоят и кого они убивают.

— Я подготовил форму, — продолжил он. — Всего одна печать. Если ты подпишешь — рубеж продержится дольше. Намного дольше.

Я повернул голову.

— Подпишу? — переспросил я медленно.

Он держал в руках тонкую пластину — не металл, не камень, что-то между. На ней светились строки. Я видел их даже отсюда. Формулировка была идеальной: без дыр, без двусмысленностей, без лазеек.

Слишком идеальной.

— Это контракт? — спросил я.

— Да, — сказал он и посмотрел мне прямо в глаза. — Твой.

Контракт.

Я не любил контракты в бою. Контракты — это когда есть время. Когда есть свидетели. Когда есть сила на откат. Контракт — это цивилизация. А рубеж — это место, где цивилизации обычно заканчиваются.

Но строки на пластине были красивыми. И правильными. И обещали именно то, что мне было нужно: время.

— Цена? — спросил я.

Он улыбнулся. Почти тепло.

— Только твоя подпись.

Вот это и было неправильным.

Потому что в мире нет заклинаний без цены. Даже добро стоит чего-то. Особенно добро.

Я протянул руку — и в этот момент щит дрогнул сильнее. По куполу пробежала трещина, как молния по стеклу.

Мы не проживём час.

И он это знал.

Я взял пластину.

Слова на ней светились мягко, успокаивающе. Они говорили: защитить рубеж, удержать врага, не дать пройти — всё, что я и так делал.

Слишком хорошо.

Я посмотрел на него.

— Ты уверен? — спросил я.

— Абсолютно, — ответил он.

Где-то вдалеке раздался звук, похожий на смех. Или на вой. Или на то и другое сразу.

Я провёл пальцем по нижней строке, где была пустая линия для подписи.

И почувствовал, как что-то в мире затаило дыхание.

Не я один.

— Ладно, — сказал я тихо. — Подпишу.

Я уколол палец — привычно, без лишней драматургии. Кровь выступила мгновенно, тёмная, густая.

Капля упала на пластину.

И в ту же секунду мир улыбнулся.

Я почувствовал это физически, кожей, как ощущают сквозняк в комнате, где вроде бы закрыты окна.

Печать вспыхнула.

Но не белым.

Чёрным.

— Что ты — начал я.
Советник шагнул назад.
— Прости, — сказал он.
И это было самое честное слово, которое я от него слышал за последние годы.
Меня ударило так, будто мне выдернули позвоночник и заменили его на раскалённый прут. Контракт не усилил мой щит — он переписал его. Сменил хозяина. Сменил смысл.
Щит, который был моим, на миг стал чужим.
И в этот миг по нему ударили.
Снаружи. Сразу. Как будто ждали именно этого.
Купол лопнул.
Воздух взорвался.
Я успел сделать одно.
Я успел повернуть остатки силы внутрь, не наружу — и закрыть собой разрыв, чтобы те, кто бежал по дороге, не получили удар в спину прямо сейчас.
Потому что если у тебя украли щит, ты можешь хотя бы стать щитом сам.
Я рухнул на колени.
Мир вокруг стал глухим, как будто меня уронили в воду. Вкус крови — железо и пепел.
В глазах — белые пятна.
Где-то далеко, за шумом, я слышал, как люди кричат.
Я поднял голову.
Советник стоял на месте. Смотрел на меня.
Не с ненавистью. Не с радостью.
С пустотой.
— Зачем? — спросил я. Голос вышел странным, чужим.
— Так надо, — ответил он.
Я рассмеялся. Не потому что было смешно. Потому что иначе я бы закричал.
— Так надо — прошептал я. — Ты хотя бы придумал что-то новое?
Он отвернулся.
А я почувствовал, как моя магия уходит.
Не тратится. Не расходуется. А именно уходит — как вода из пробитой бочки.
Контракт держал меня на крючке.
Я посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха. От злости.
И от бессилия.
Над рубежом поднялась тень. Враг вошёл в разрыв.
Я сделал последнее — то, что всегда делаю, когда у меня отнимают выбор.
Я создал выбор сам.
Собрал остаток резерва в одну точку — в сердце, в источник, в самую глубину.
И рванул.
Вспышка была белой. Чистой. Настоящей.
Я успел увидеть, как линия врага отшатнулась.
Я успел почувствовать, что дорога за моей спиной ещё жива.
А потом мир погас.
Последняя мысль была удивительно спокойной:
Если уж меня предали, то пусть хотя бы не зря.
И темнота ответила мне чем-то похожим на шёпот.
Не голосом.
Скорее законом.
Как будто кто-то где-то поставил печать на мою смерть.
И сказал:

— Недостаточно.

Глава 2

Глава 2 — «Новое тело — старые привычки»

Я пытался вдохнуть — и не мог. Пытался открыть глаза — и в ответ получал только белые вспышки под веками. Пытался пошевелиться — и понимал, что у меня, кажется, нет ни рук, ни ног, ни вообще приличного набора деталей, положенного живому существу.

А потом в грудь ударил воздух.

Я закашлялся так, будто из меня пытались вытащить весь прошлый мир целиком. Кашель был влажный, отвратительный, с привкусом лекарств и чего-то сладкого — как будто кто-то решил, что умирать должно быть приятно на вкус.

— Он пришёл в себя! — раздался женский голос.

Голос был слишком громким и слишком близким. Значит, я не в загробном мире, а где-то в помещении. В загробном мире обычно потише. Там, по крайней мере, не кричат на ухо.

Я попытался поднять руку. Рука поднялась. Плохая новость: рука была не моей. Хорошая новость: она вообще была.

Открыл глаза.

Белый потолок. Лепнина. Хрустальная люстра, которая явно стоила дороже, чем моя крепость на рубеже. Слева — тяжёлые шторы, справа — зеркало в золочёной раме.

Моё внимание мгновенно прицепилось к зеркалу, как к крюку.

В зеркале сидел парень.

Юноша. Лет семнадцать? Восемнадцать? Лицо бледное, губы сухие, глаза серые и очень злые — даже сейчас.

Нос прямой. Скулы — аристократические, как их любят рисовать художники. Волосы тёмные, непослушные, с прядью, упавшей на лоб.

Я моргнул.

Парень в зеркале моргнул тоже.

— Нет, — произнес я, и мой голос, казалось, потерял свою обычную силу, не соответствуя положению человека, который держал рубеж. — эх, красавец-мужчина, вылитый я в молодости.

— Ваша Светлость, Дмитрий Александрович? — осторожно позвали меня.

Я медленно повернул голову.

У кровати стояла женщина в строгом платье. Возраст определить сложно: то ли тридцать, то ли пятьдесят — такие люди стареют не годами, а статусом. В руках — поднос с миской, пахнущей бульоном и травами.

— Дмитрий Александрович, — повторил я и почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло.

Имя ударило по памяти.

Не моей.

Чужой.

В голове будто открыли шкаф и высыпали на пол чужую жизнь: кусками, обрывками, запахами, голосами.

Сокровища и мусор — всё вперемешку.

Я зажмурился. Удержался, чтобы не выругаться вслух. Нельзя пугать людей, если ты не уверен, что можешь их потом успокоить. А я сейчас мог успокоить разве что труп.

— Где я?

Женщина облегчённо выдохнула, как будто боялась, что я начну говорить на мёртвом языке.

— В вашем доме, Ваша Светлость. Вы потеряли сознание после тренировки. Врач сказал, что вам нужен покой и в результате травмы, возможна кратковременная потеря памяти.

Я оглядел комнату внимательнее.

Это не больничная палата. Спальня. Она богата и ухожена, но совершенно лишена тепла. Мебель дорогая и идеально расставлена, как в каталоге. Нет никаких личных вещей: ни рисунков, ни книг на тумбочке. Даже воздух кажется чужим, наполненным чьей-то властью. Так пахнут дома, где ты не чувствуешь себя хозяином.

Я опустил взгляд на свои руки. На запястье — тонкий шрам.

На пальцах — следы от тренировочных ожогов.

Юноша действительно тренировался.

И, судя по болезненному откату в груди, тренировался с источником.

Я послушал магию — привычно, как слушают звук собственного дыхания.

И почувствовал её.

Источник был живой, сильный, но странный.

Он был как два голоса, поющих в унисон. Один — ровный, строгий, требовательный. Он звучал как закон, как печать, как приказ, который не обсуждают.

Другой — голодный.

Тихий. Липкий. Как тень под дверью.

Я сглотнул. Магия поглощения и приказа в одном теле.

Создается впечатление, что кто-то целенаправленно и с большим усердием следует некоему плану по усугублению текущего положения дел.

— Воды, — попросил я.

Женщина тут же протянула стакан.

Я выпил и понял, что мне не просто хочется воды — мне хочется жить. Тело требовало энергии, как инструмент требует смазки.

— Кто вы? — спросил я, не отрывая взгляда от её лица.

Она чуть наклонила голову, и в этом жесте было столько привычного подчинения, что меня почти передёрнуло. Подчинение бывает разным. Это было подчинение человека, которого долго учили бояться.

— Марфа. Домоправительница.

-Я — она замялась. — Я служу вашему дому с тех пор, как

С тех пор как умерли родители. Не договорила, но память Дмитрия докинула эту фразу сама, как щепку в костёр.

Родители погибли несколько лет назад.

А дом остался дяде.

Дядя.

Слово пришло с таким холодом, что я почувствовал, как в горле встаёт металлический вкус — тот самый, что бывает перед боем.

— Дядя дома? — спросил я.

Марфа нервно взглянула на охранника.

Охранник — на неё.

И вот это было уже интереснее любых слов.

- Его Светлость. - начала она осторожно, - князь Алексей Сергеевич сейчас в отъезде. Он велел передать, что навестит вас позже.

Позже — это прекрасно. Позже обычно означает когда будет удобно. А когда удобно человеку, который хочет избавиться от наследника? Никогда.

Я кивнул, будто поверил.

— Хорошо, — сказал я.

И снова прислушался к источнику.

Тот строгий голос внутри меня реагировал на слова. Не на смысл — на формулировки. На структуру речи. Как будто магия ждала, когда я скажу что-то, что можно закрепить.

Приказ.

Контракт.

Закон.

А голодный голос реагировал на людей рядом. На их слабые заклинания, на их амулеты, на остатки чар в комнате.

Он как будто облизывался.

Я посмотрел на охранника.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Степан Платонович, Ваша Светлость — ответил тот. Наклонил голову. Не слишком низко. Охранник не раб, но и не равный.

— Степан Платонович, — повторил я.

Я подбирал слова аккуратно. В прошлом мире я мог сказать стоять — и стояли стены. Здесь я ещё не знал цену.

— Скажите — я сделал паузу, — вы получили приказ следить за мной?

Домоправительница резко вдохнула.

Охранник на мгновение замер.

И в этот миг я почувствовал, как строгий голос в источнике шевельнулся.

Как будто услышал слово приказ и решил: о, это про меня.

— Дмитрий Александрович — начал охранник.

Я поднял ладонь.

— Просто ответьте да или нет.

И добавил, стараясь, чтобы это звучало как обычная человеческая просьба, а не как магический удар:

— Скажите правду.

Ничего не вспыхнуло. Не было грома. Не было светящихся печатей в воздухе.

Зато я почувствовал, как будто кто-то невидимый провёл лезвием по внутренней стороне моей груди — неглубоко, но неприятно. И тут же в нос ударил железный запах.

Кровь.

Я машинально провёл пальцем под носом.

Красная полоска.

Отлично. Я даже не подписывал ничего — просто сказал. А источник уже взял плату.

Значит, цена высокая. Или я слаб в этом теле. Или источник слишком жадный.

Или всё вместе, и кто-то наверху хохочет.

Охранник сглотнул. Его кадык дёрнулся.

— Да, — сказал он через силу. — Мне велели присматривать за вами. Ради вашей безопасности.

Вот это ради вашей безопасности прозвучало так, будто его заставили добавить.

Я выдавил из себя ту самую "похоронную" улыбку — знаете, когда вроде бы и надо почувствовать, но понятия не имеешь, кого именно хоронят.

— Спасибо, — сказал я. — Безопасность — вещь важная.

Марфа побледнела ещё сильнее.

— Ваша Светлость, вам следует избегать волнений, — тихо произнесла она.

— Не беспокойтесь, — ответил я, сам пораженный ровностью своего тона. — Я как раз собираюсь обрести душевное равновесие.

Я откинулся на подушки и закрыл глаза.

В голове, за шумом чужой памяти, возникла ясная мысль:

меня уже пробовали контролировать.

И меня уже пробовали оберегать.

Я знаю, чем это заканчивается.

Я снова прислушался к миру — к магии, к дому, к людям.
Где-то далеко, за стенами, хлопнула дверь. Проехала карета. Послышались шаги по коридору.
И ещё я почувствовал кое-что.
Тонкий, едва заметный след чужой магии на пороге моей комнаты.
Не домашней.
Не академической.
Сухой, холодный, как печать на контракте, который ты не подписывал.
Я открыл глаза и посмотрел на домоправительницу.
— Скажите, — спросил я мягко, — кто сегодня был в моих покоях, пока я отдыхал?
Она растерянно заморгала.
— Никто, Дмитрий Александрович только врач. И — она запнулась.
Я дождался.
— И человек от Его Светлости, — выдавила она наконец. — Он проверял ваши бумаги.
Человек от дяди. Проверял бумаги.
В комнате наследника.
Пока наследник без сознания.
Я почувствовал, как внутри поднимается знакомое, тёплое и очень опасное чувство.
Желание действовать.
Прямо сейчас.
Сломать. Наказать. Установить порядок.
В прошлом мире я бы уже поднялся, вышел и вырвал бы правду из горла каждого, кто стоит на пути.
Но здесь другое тело. Другие правила. И источник, который берёт плату за каждое слово, которое я делаю законом.
Я заставил себя вдохнуть медленно.
И улыбнулся.
— Прекрасно, — сказал я. — Значит, начнём с бумаг.
Домоправительница непонимающе посмотрела на меня.
— Принесите мне всё, что осталось от отца и матери. Все письма. Все распоряжения. Все счета. Всё.
Я посмотрел на охранника.
— И вы, Степан Платонович, тоже поможете. Вы же следите за мной ради безопасности, верно?
Охранник дернулся, будто хотел возразить — но не смог. Источник приказа больше не давил. Я не произносил закрепляющих слов.
Но он уже понял: я умею задавать вопросы так, что ответы становятся ловушками.
— Да, Ваша Светлость, — сказал он хрипло.
Я снова вытер кровь под носом, будто это мелочь.
На самом деле это было важнейшим сигналом.
Каждое моё право будет стоить мне жизни.
В прямом смысле.
Ну что ж.
Я умею считать цену.
И умею заставлять других платить больше.
Ведь жизнь - это очередь за смертью, но только некоторые лезут без очереди.

Глава 3

Глава 3 — «Дом, где все улыбаются неправильно»

Документы принесли быстро.

Слишком быстро.

Это всегдастораживает. Когда люди выполняют просьбу наследника без привычного да-да, конечно, сейчас, значит, либо они боятся, либо им заранее приказали: вот это можно дать, а вот это — нельзя.

Домоправительница появилась с деревянным ларцом, запёртым на тонкий замок. Ларец был старый, потёртый, явно не из тех, что выставляют в гостиной на показ. Он пах не воском и дорогим деревом, как вся эта правильная спальня, а пылью, бумагой и домом.

Настоящим.

Она поставила его на столик у кровати и чуть отступила, будто боялась, что я его укушу.

— Это всё, что осталось, Дмитрий Александрович, — тихо сказала она. — Личное. Переписка. Несколько — запнулась, — квитанций.

Несколько. Прекрасное слово. У него всегда есть продолжение: а остальное исчезло.

Я кивнул, изображая равнодушие.

— Ключ?

Марфа молча протянула тонкий ключик на цепочке.

Я взял его — и почувствовал, как охранник, Степан Платонович, чуть сместился ближе к двери. Не в мою сторону. К двери.

Так двигаются люди, которым велели: если начнёт копать — сообщи.

Ладно. Пусть сообщает. Чем больше людей узнает, что я живой и думаю, тем меньше шансов, что меня тихо вынесут из дома ночью в ковре.

Я вставил ключ в замок. Провернул.

Щёлк.

Ларец открылся, и сверху лежал пакет писем, перевязанный лентой. На ленте — герб: крылатая птица и три звезды. Шереметьевы.

Память тела — чужая, но полезная — отозвалась лёгкой болью. Это герб моего рода. Того, что должно было стать моим. И того, что, судя по всему, уже давно не моё.

Я развернул первое письмо.

Почерк был знакомым не мне, но Дмитрию в голове. Отец.

Я успел прочитать две строки, и что-то внутри меня щёлкнуло ещё раз, уже по-другому.

Письмо было не про любовь, не про воспитание и не про мой сын, будь достоин.

Оно было про деньги.

Про долги.

Про поставки.

Про то, что контракт с промышленным домом Демидовых требует пересмотра.

Я перелистнул дальше.

Следующее письмо — мать. Запах чернил будто другой, более лёгкий. В тексте больше между строками: не прямые указания, а намёки, просьбы, тревога.

Лёша давит. Он слишком торопится. Если со мной что-то случится — не верь словам, ищи печати.

Лёша.

Дядя.

Я медленно вдохнул.

— Марфа, — сказал я, не отрываясь от бумаги. — Когда умерли мои родители?

Женщина дёрнулась, будто я ударил её по лицу.

— Несчастный случай, Дмитрий Александрович — начала она автоматически, как выученную молитву. — Карета на мосту лёд вода

— Когда? — повторил я.

Она сглотнула.

— Три года назад. В конце зимы.

Три года. Значит, Дмитрий в этом теле жил всё это время под дядей. И, судя по тому, что я сейчас читаю, — жил, как зверь в клетке: вроде кормят, но дверца всегда на замке.

Я взял квитанции.

Вот здесь было самое интересное. Потому что письма можно подделать. Человек может переписать слова, эмоции, смысл. А вот деньги — упрямая штука. Они оставляют следы, даже когда их прячут.

Квитанций действительно было несколько.

И каждая — мелкая. Домашние расходы. Плата за лекаря. Плата за обучение Дмитрия до Академии.

А где крупное?

Где содержание дома, охрана, ремонты, хозяйство, налоги? Где счета за поместья, рудники, предприятия — всё то, что должно быть у княжеского рода?

Нет.

Либо я держу в руках детский набор наследника, чтобы не лез, куда не надо.

Либо род уже обобрали так, что показывать нечего.

Я осторожно отложил бумаги на стол и посмотрел на Марфу.

— Где остальные документы? — спросил я спокойно.

Она побледнела.

— Дмитрий Александрович я — голос дрогнул. — Его светлость велел

Ага.

Велел.

Я мог бы сейчас сказать: говори, и источник бы зашевелился. Я бы снова заплатил кровью. И получил бы правду.

Но я уже чувствовал лёгкую слабость после предыдущего скажите правду. Для тела это пока была серьёзная трата.

А значит, надо действовать иначе.

Старым способом, ещё до магии.

Политикой.

— Марфа, — сказал я мягко, почти сочувственно. — Вы служите этому дому. Не дяде. Дому.

Она сжала пальцы так, что побелели костяшки.

— Да, Ваша Светлость.

— Где остальные документы?

Она вздрогнула.

— Документы у нотариуса, — выдохнула она. — Часть. Остальное в кабинете его светлости. У вас туда нет доступа.

— Нотариус? — уточнил я.

— Родовой. Иван Григорьевич Корнеев.

Имя тоже отозвалось в памяти Дмитрия: сухой, правильный, служит закону. Таких можно купить. И иногда их можно перекупить — если предложить лучшую цену или лучший страх.

Я кивнул.

— Хорошо. Степан Платонович, — повернулся я к охраннику, — вы знаете, где живёт нотариус Корнеев?

Охранник замялся.

— Знаю, Дмитрий Александрович. Но без распоряжения

— Без распоряжения дяди? — уточнил я.

Он сжал челюсть.

— Его Светлости.

Я улыбнулся.

— Прекрасно. Значит, поедem вместе. Вы же отвечаете за мою безопасность.

Марфа тихо охнула.

Охранник посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который добровольно лезет в яму со змеями.

— Дмитрий Александрович, сейчас вам не стоит — начал он.

— Стоит, — сказал я.

И, чтобы не превращать это в спор, добавил чуть более лёгким тоном:

— Иначе я начну тренироваться. А вы сами сказали, что я потерял сознание после тренировок. Хотите повторения?

Охранник поморщился.

Я увидел, как в его глазах пробежала мысль: если он снова свалится, отвечать мне.

Прекрасно. Люди лучше всего работают, когда защищают свою шкуру.

— Я распоряжусь каретой, — выдавил он.

— Отлично.

Домоправительница всё ещё стояла рядом, будто боялась уйти и оставить меня наедине с моими выводами.

Я посмотрел на неё и неожиданно для себя спросил:

— А вы вы любили моих родителей?

Она вздрогнула, будто ей задали неприличный вопрос.

Потом опустила глаза.

— Они были добры, Дмитрий Александрович.

Добры. В мире кланов и власти это почти приговор.

Я кивнул.

— Тогда сделайте ещё одну вещь, — сказал я тихо. — Никому не говорите о нотариусе.

Ни слова.

Она подняла на меня взгляд, полный страха.

— Его Светлость узнает

— Пусть узнает позже, — сказал я. — И лучше от меня.

Она колебалась.

Я мог бы надавить приказом. Мог бы выжечь этот страх в ней.

Но цена крови и цена доверия слишком высоки. Приказом ты получаешь исполнение.

Доверием — союзника.

А союзники мне понадобятся.

— Хорошо, — наконец прошептала она. — Я я никому.

Я встал.

Тело качнуло, как молодое дерево на ветру. Слабость всё ещё сидела в мышцах. Но я устоял.

Под воротом рубахи что-то было. Цепочка.

Я вытащил её наружу.

На цепочке висел медальон. Серебряный. С трещиной по краю.

Тот же самый, что я сжимал на рубеже в прошлом мире.

На секунду у меня перехватило дыхание.

Это невозможно.

И всё же он был здесь. Тяжёлый, реальный.

Я провёл пальцем по трещине — и почувствовал слабое, едва живое эхо магии. Как след старого пожара в камне.

Меня качнуло, словно молодое деревце, подхваченное порывом ветра. Мышцы всё ещё хранили остатки немощи, но я смог удержать равновесие.

Под воротником рубахи что-то ощущалось. Тонкая цепочка.

Я вытянул её наружу.

На ней висел медальон. Серебряный, с едва заметной трещиной по краю.

Не может быть... Тот самый, что я сжимал на рубеже в другом мире.

На мгновение воздух застрял в горле.

Артефакт этого мира, удивительно похожий на мой из прошлого либо

Либо меня не просто переселили. Меня протащили вместе с кусочком того, кем я был.

Магия поглощения? Приказ? Медальон?

Слишком много совпадений.

Я спрятал медальон обратно под рубаху.

— Поедем.

И в этот момент дверь открылась без стука.

В комнату вошёл мужчина.

Он был одет дорого, без показной роскоши — так одеваются люди, которые не хотят доказывать, что они богаты. Волосы аккуратно уложены, лицо гладко выбрито, глаза светлые и внимательные.

Он улыбнулся.

Улыбкой, от которой в комнате стало холоднее.

— Дмитрий, — сказал он мягко. — Ты уже на ногах? Как замечательно.

Дядя.

Князь, Шереметьев Алексей Сергеевич.

Он двинулся ко мне, раскинув руки, словно раскрывая объятия. И в этот момент я увидел ясно, как день: если я позволю ему себя обнять, моя спина почувствует холод стали. Возможно, не настоящей, но бережёного нож бережёт.

Я сделал шаг в сторону, будто просто уступил ему место.

— Дядя, рад вас видеть.

Его взгляд прошёлся по моей руке, по старинному ларцу, по разложенным документам. Его губы не изменили своей улыбки, но в глубине глаз промелькнула жесткость.

— Что это? — его голос прозвучал как вопрос, но с оттенком настороженности.

— Я пытаюсь сохранить память о родителях, — ответил я.

— Понимаю, — произнес он, склонив голову в подобии скорби. — Это благородно. Но, — он сделал паузу, — тебе не следует — он запнулся, — ворошить прошлое. ворошить прошлое. Конечно.

Чтобы наследник не тревожил себя вопросами о том, как именно умирают родители и куда исчезают документы.

Я улыбнулся так же вежливо.

— Я уже разворошил.

Дядя рассмеялся — негромко, тепло, как взрослый, который терпит детскую дерзость.

— Ты всегда был упрямым, Дима. Это у нас семейное.

Он произнес "у нас", и в этом простом слове чувствовалась такая уверенность в своем праве на это место, что я ощутил себя здесь чужим, а он — истинным владельцем.

Он повернулся к охраннику.

— Степан, оставь нас.

Охранник замер. Я увидел в его глазах короткую борьбу: приказ дяди против моей безопасности.

А потом он посмотрел на меня — и я понял: он ждёт, что я его отпущу.

Прекрасно. Первый тест.

Я мог бы сказать: останься, и закрепить это приказом. Заплатить кровью. Получить охранника рядом.

Но тогда дядя поймёт, что у меня проснулась магия приказа. И начнёт действовать быстрее.

Нет. Рано.

Я кивнул охраннику.

— Идите, Степан Платонович. Но карету готовьте.

Дядя приподнял бровь.

— Карету?

— Да, — сказал я спокойно. — Я еду к нотариусу.

В комнате повисла тишина.

Марфа сделала маленький шаг назад, будто пыталась стать частью стены.

Дядя не изменился в лице. Но я почувствовал, как его улыбка стала тоньше.

— Зачем? — спросил он.

— Хочу получить доступ к документам рода, — ответил я. — Раз я наследник.

Я сказал это специально. Слово наследник должно было ударить.

И ударило.

В глазах дяди вспыхнуло что-то — на долю секунды. Холодное, хищное. Потом снова улыбка.

— Конечно, — произнёс он мягко. — Ты наследник. Просто ты ещё молод. И тебе нельзя перегружать себя взрослыми делами.

Потом сделал шаг ближе и заговорил тише, почти по-дружески:

— Дмитрий, я ведь о тебе забочусь. Ты понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. — Поэтому и еду к нотариусу. Чтобы не нагружать вас лишними хлопотами.

Это была вежливость, доведённая до уровня оружия.

Дядя выдохнул и наконец показал зубы — не буквально, но по сути.

— Тебе нельзя ехать одному, — сказал он.

Я почувствовал, как строгий голос моего источника отозвался внутри — как натянутый нерв. Ему понравилось это место. Ему захотелось ответить приказом на приказ.

И вот тут мне пришлось сделать выбор.

Либо уступить — и закрепить за дядей право решать мою жизнь. Либо приказать — и заплатить кровью, выдав себя.

Я улыбнулся.

— Тогда поедете со мной, — сказал я. — Как заботливый родственник.

Дядя замер.

А потом медленно, очень медленно, рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он. — Поеду.

И добавил так же тихо:

— Но ты пожалеешь, что начал взрослые игры, Дима.

Я посмотрел ему в глаза.

— Я уже взрослый, — ответил я. — Просто вы об этом ещё не знаете.

И в этот момент я снова почувствовал тот же сухой, холодный след магии — не дяди, нет. Чужой.

Как будто кто-то стоял за дверью и слушал. Не ушами. А печатью.

И мне стало окончательно ясно:

в этом доме улыбаются неправильно не потому, что здесь плохие люди.

А потому, что здесь давно живёт страх.

Мы так долго стояли на краю пропасти, что стали называть этот край родным

Глава 4

Глава 4 — «Мой дядя самых честных грабил»

Карета пахла кожей, холодным железом и чужими духами.

Духи были дорогими. Лёгкими. С ноткой цитруса, который в нормальной жизни должен ассоциироваться с праздником, а в моей — почему-то с протоколом допроса.

Дядя сел напротив меня, устроился так, будто это его карета и его поездка, и положил трость на колени. Трость была не для ходьбы. Слишком лёгкая, слишком изящная. Скорее — аксессуар для того, чтобы указывать на людей, которых следует убрать с дороги.

Степан Платонович занял место рядом с кучером, снаружи. Формально — охрана. Неформально — свидетели, что я сам поехал.

Домоправительница стояла на крыльце, пока карета не тронулась. Лицо у неё было такое, будто она провожает меня на казнь, но не имеет права плакать.

Дом уплыл назад. Слишком аккуратный, слишком правильный.

Дом, в котором улыбки были не по настроению, а по должностной инструкции.

Дядя заговорил первым — как и положено человеку, который привык выбирать момент.

— Дмитрий, — мягко произнёс он, глядя в окно, — я понимаю твоё желание взрости.

Но ты должен понимать и меня.

Я не ответил.

Это был один из самых полезных навыков, которые я выучил на войне: когда тебя начинают объяснять, лучше молчать. Объяснения редко бывают ради истины. Чаше — ради того, чтобы у тебя в голове поселилась чужая версия реальности.

Дядя продолжил, как будто мы беседуем в гостиной за чаем.

— После смерти твоих родителей управление родом легло на меня. Это тяжёлое бремя. И я нёс его достойно.

Я посмотрел на него.

— Достойно чего? — спросил я.

Он перевёл взгляд на меня и чуть улыбнулся.

— Достойно памяти твоего отца.

Слова были красивыми. И пустыми.

— Тогда никаких проблем с посещением нотариуса быть не должно.

Дядя вздохнул так, будто я капризный ребёнок, который требует показать игрушку, не понимая, что игрушка заряжена.

— Хорошо, — сказал он. — Посмотри. Но помни: многие бумаги — не для твоего возраста.

Я тоже улыбнулся — так же вежливо.

— А смерть родителей была для моего возраста?

Улыбка у него не дрогнула, но воздух в карете стал чуть плотнее. Он не любил, когда ему напоминают о грубых вещах.

— Осторожнее, Дима, — сказал он тихо. — Некоторые вопросы опасны.

— Опасны для кого? — спросил я.

Он не ответил.

И это был ответ.

Мы ехали минут двадцать. За окном мелькали улицы столицы — широкие, чистые, живые. Люди спешили по делам, торговцы ругались, дети бегали между лавками. Мир был обычным, и от этого становилось противно: где-то держат рубежи, где-то умирают, а здесь — булочки и разговоры.

Карета остановилась у здания с вывеской: Нотариальная палата. Корнеев И.Г.

Серое, строгие колонны, охрана у дверей — не военная, но похожая: люди с такими же глазами, как у Степана.

Дядя вышел первым. Привычно. Хозяином.

Я вышел следом и поймал на себе несколько взглядов — любопытных, быстрых. Нас проводили внутрь почти без ожидания. Фамилия Шереметьевых здесь значила многое.

Коридоры пахли чернилами и старой бумагой. Это был запах власти, которая делает вид, что она всего лишь сервис.

В кабинете нотариуса было тепло. Ковёр, тяжёлый стол, шкафы с папками. На стене — имперский герб и отдельная, меньшая печать: нотариальная.

За столом сидел мужчина лет шестидесяти, сухой, как выжатый пергамент. Седые волосы, аккуратная борода. Глаза цепкие, но усталые.

Он поднялся, когда мы вошли.

— Ваша Светлость, Алексей Сергеевич, — произнёс он почтительно. — Дмитрий Александрович. Редкая честь.

Редкая. Ага. Наследника сюда, видимо, не водили. Или водили — но не так, чтобы он что-то понял.

Дядя кивнул.

— Иван Григорьевич, Дмитрий захотел ознакомиться с делами рода. Покажите ему то, что положено.

Нотариус чуть заметно напрягся на словах то, что положено. У него было два хозяина: закон и тот, кто платит за трактовку закона.

Я сел, не дожидаясь приглашения. Молодое тело ещё протестовало, но я заставил его держаться прямо. Слабость — это как кровь на снегу: её видят сразу.

— Иван Григорьевич, — сказал я. — Я хочу видеть все документы, касающиеся управления родом Шереметьевых за последние три года. Счета. Доверенности. Отчёты по активам. Сделки.

Нотариус моргнул.

Дядя слегка склонил голову, как будто слушает забавную шутку.

— Дмитрий, — мягко сказал он, — ты

Я поднял руку.

— Я наследник, — сказал я спокойно. — И я хочу знать, чем владею.

Слово владею прозвучало как пощёчина.

Нотариус посмотрел на дядю.

Дядя — на нотариуса.

И вот здесь началась настоящая игра.

— Ваша Светлость, Дмитрий Александрович, — начал Корнеев, выбирая слова так, будто каждое из них проверяют на весах, — доступ к части документов ограничен опекунским распоряжением до вашего совершеннолетия.

Опека. Конечно.

Значит, дядя не просто управлял. Он юридически привязал мне руки. Красиво.

— Я понимаю, — сказал я. — Покажите распоряжение.

Нотариус потянулся к ящику, достал папку и положил на стол документ с печатями.

Я наклонился и прочитал.

Формулировка была безупречна. Там не было чтобы защитить мальчика — там было в целях сохранения активов рода и в целях предотвращения злоупотреблений.

Подпись дяди. И ещё одна подпись: кто-то из императорской канцелярии на уровне среднего допуска.

Дядя был не один. Уже тогда.

Я поднял взгляд.

— Иван Григорьевич, — спросил я, — а кто инициировал вторую подпись?
Нотариус замялся.

— Ваша Светлость, это служебная информация.

Дядя с интересом смотрел на меня, будто наблюдал, как я бьюсь о стекло.

Я откинулся на спинку стула, делая вид, что раздумываю.

На самом деле я раздумывал о другом: как получить правду, не раскрыв себя.

Приказ — опасно. Но можно использовать его точно, на одного человека, без свидетелей. И заплатить кровью если цена не убьёт меня прямо здесь.

Я посмотрел на нотариуса.

— Иван Григорьевич, — сказал я тихо. — Скажите вы понимаете, что если меня убьют, вы окажетесь в центре расследования?

Нотариус чуть дрогнул.

— Что вы такое говорите, Ваша Светлость

— Я говорю о безопасности, — продолжил я ровно. — И о документах. Вы же служите закону.

Его губы сжались.

Дядя улыбался.

Я понял: он думает, что я пытаюсь давить словами. Как ребёнок. Он не ожидает, что я буду давить законом.

Я наклонился вперёд.

— Иван Григорьевич, — сказал я. — Ответьте честно: вы когда-нибудь видели оригиналы документов о гибели моих родителей?

Тишина.

Нотариус посмотрел на дядю. Потом на меня. Потом снова на дядю.

И вот сейчас я почувствовал, что он на грани: если он соврёт — я это услышу. Не магией. Опытом. Люди лгут одинаково, когда им страшно.

Но он мог и не соврать. Мог сказать правду, которая при этом будет ловушкой.

Я выбрал риск.

— Скажите правду, — произнёс я.

Внутри груди снова полоснуло лезвием. Резко. Больно.

Я почувствовал, как тело на мгновение проваливается — будто из него вынули часть тепла.

Кровь ударила в нос.

Я сдержался, не вытер сразу — не хотел показывать слабость. Просто втянул воздух через рот.

Нотариус побледнел.

— Нет, Ваша Светлость — сказал он. — Оригиналов не видел. Мне предоставили копии. Заверенные людьми его Светлости Алексея Сергеевича.

Дядя не шелохнулся.

Но я увидел, как его пальцы чуть сильнее сжали набалдашник трости.

— Благодарю, — сказал я.

Мой голос звучал спокойнее, чем я себя чувствовал. Внутри было мерзко: приказ сработал. Значит, сила есть. И цена — ощутимая. Если я продолжу, меня можно будет просто случайно довести до обморока, а потом — до смерти.

Я посмотрел на Корнеева.

— Иван Григорьевич, — сказал я, — покажите мне список активов рода. То, что не под опекой. То, что я могу видеть.

Он торопливо достал другую папку. Открыл.

И вот тут стало смешно.

Список был коротким.
Неприлично коротким.

Дом. Личный счёт Дмитрия с мизерной суммой. Две небольшие доли в предприятиях — такие, чтобы наследник мог купить себе одежду и не умереть с голоду.

Род Шереметьевых был одним из старых.
Такого быть не могло.

Если только

Если только его не перенесли куда-то в сторону. В доверительное управление. В залог. В сделки, которые временно.

— Это всё? — спросил я.

Нотариус встретился со мной взглядом.

И в его глазах было что-то, чего не было в голосе.

Предупреждение.

Он хотел сказать больше, но не мог.

Я понял: если я начну дальше давить приказом, он либо сломается, либо умрёт. В переносном или прямом смысле. А мёртвый нотариус — это сигнал тревоги для всех, кто держит сеть.

Дядя чуть наклонился ко мне.

— Видишь? — прошептал он почти ласково. — Всё под контролем. Ты можешь не волноваться.

Я повернулся к нему.

— Я не волнуюсь, — сказал я. — Я запоминаю.

Он улыбнулся шире.

— Запоминай, — сказал он. — Это полезно.

Я встал. Голова на секунду закружилась. Я перехватил край стола пальцами — быстро, незаметно. Вдохнул.

Цена приказа ещё сидела во мне, как холодная игла.

— Иван Григорьевич, — сказал я. — Спасибо за помощь.

Нотариус кивнул, слишком быстро.

— Всегда к вашим услугам, Ваша Светлость.

Мы вышли в коридор.

И вот уже там, когда дверь кабинета закрылась за нами, я почувствовал это снова: сухой, холодный след чужой магии.

Не в кабинете.

В коридоре.

Как будто кто-то пометил мой визит.

Дядя шёл рядом, и его лицо снова стало спокойным.

— Поехали домой, — сказал он.

— Конечно, — ответил я.

Мы дошли до кареты.

И когда я уже ставил ногу на подножку, услышал за спиной шорох.

Обернулся.

В дальнем конце коридора стоял человек в форме курьера — серый плащ, сумка через плечо. Лицо обычное, незапоминающееся. Но глаза глаза были слишком пустыми.

Он смотрел не на дядю.

На меня.

А потом поднял руку и провёл пальцем по воздуху, будто ставя невидимую отметку.

Я почувствовал, как по коже прошёл холод.

Печать.

Не имперская.

Чужая.

И в тот же миг курьер развернулся и исчез за углом, растворившись в толпе, как капля в реке.

Я сел в карету и закрыл дверь.

Дядя заметил мой взгляд.

— Что-то увидел? — спросил он с лёгким любопытством.

Я улыбнулся.

— Да, — сказал я. — Что у нас в столице хорошие курьеры.

Дядя рассмеялся, не понимая.

А я сидел и считал.

Считал цену крови. Считал шаги. Считал людей, которые уже заметили, что наследник не просто дышит.

Он думает.

И если в игре появился кто-то третий — международный, чужой — значит, у меня осталось ещё меньше времени, чем я планировал.

Карета тронулась.

Впервые за это утро меня осенила простая, но леденящая душу истина: моя ценность в этом мире будет измеряться не только желанием обладать мной, но и готовностью идти на крайние меры ради этого. Меня будут жаждать, меня будут похищать, а если не удастся — уничтожат.

Глава 5

Глава 5 — «Нож без клинка»

Дом встретил нас тишиной.

Не уютной — выставленной. Такой, которая появляется, когда слуги заранее получают приказ: не шуметь, не смотреть, не дышать лишний раз. Чтобы хозяева могли поговорить по-семейному.

Карета остановилась у крыльца. Лакей распахнул дверь. Дядя вышел первым, как всегда, и протянул мне руку — жест был идеален, воспитан, даже доброжелателен.

Я не взял.

Соскочил сам, чуть резче, чем нужно. Пусть видит: я не собираюсь цепляться за его поддержку.

Дядя не обиделся. Он вообще не выглядел как человек, способный обижаться.

Он выглядел как человек, способный списывать ошибки в графу временные неудобства.

Мы поднялись по ступеням, прошли холл. Марфа стояла у арки и смотрела так, будто пыталась понять, кто из нас выйдет живым из следующей комнаты.

Дядя повернулся к ней:

— Чаю в мой кабинет. И — он слегка улыбнулся, — пусть Дмитрию принесут лекарство.

Дядя бросил на меня короткий взгляд.

— Ты выглядишь бледно.

Он не заботился. Он фиксировал симптом.

Мой приказ Корнееву стоил мне больше, чем я хотел показать. Нос уже не кровоточил, но в голове всё ещё гудело, как после долгого боя.

Мы вошли в дядин кабинет.

Я ожидал роскоши — и получил её. Но не той, что кричит о богатстве. Здесь всё было рассчитано: тяжелая мебель, ровный свет, карта империи на стене, несколько артефактных рамок с печатями. Угол комнаты занимал стеклянный шкаф с книгами — не для чтения, для статуса: юридические сборники, дворянские реестры, хроники войны.

Дядя сел за стол, показал мне кресло напротив.

Я сел.

Он сложил руки и посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который наконец-то перестал бегать и сам пришёл в ловушку.

— Дмитрий, — сказал он мягко, — ты сделал сегодня две ошибки.

— Только две? — спросил я.

— Первая: ты пошёл к нотариусу без подготовки. Вторая: ты заставил его говорить.

Я медленно выдохнул.

Значит, он заметил. Или ему доложили. Или он сам почувствовал.

В любом случае — он уже считает мои шаги.

— Я никого не заставлял, — сказал я.

Дядя улыбнулся — и на мгновение эта улыбка стала почти настоящей.

— Заставлял, — сказал он. — И ты это знаешь.

Он наклонился чуть ближе.

— У тебя просыпается источник, Дима. Я рад. Правда. Это означает, что ты станешь достойным преемником славы нашего рода.

Если доживёшь.

Он не произнёс этого вслух. Ему не нужно было.

Я посмотрел на карту на стене, потом на него.

— Вы хотели, чтобы он не просыпался? — спросил я.

Дядя поднял брови.

— Я хотел, чтобы ты был в безопасности.

Я рассмеялся — коротко, без веселья.

— В безопасности у вас? — уточнил я.

Он не изменился в лице.

— Да, — сказал он. — У меня.

Тут внесли чай.

Марфа поставила поднос на столик сбоку. Её руки дрожали. Дядя даже не посмотрел на неё, как на предмет мебели, который выполнил функцию.

Когда дверь закрылась, он продолжил:

— Ты поедешь в Академию через три дня.

Я замер.

— Через три? — переспросил я.

— Да, — подтвердил он. — Я договорился о твоём зачислении в ускоренном порядке.

Тебе там будет полезно.

Ускоренное зачисление. Полезно.

То, что выглядит как подарок, обычно является упаковкой для бомбы.

— Почему такая спешка? — спросил я.

Дядя налил себе чай. Движения были уверенными, ровными, как у человека, который не боится, что чашка окажется последней.

— Потому что в городе стало небезопасно, — сказал он.

Я вспомнил курьера.

Чужую печать.

И понял: дядя тоже это почувствовал. Или — он об этом знал заранее.

— Небезопасно для кого? — спросил я.

— Для тебя, — сказал дядя и сделал глоток. — И для меня. А значит — для рода.

Я молчал.

— Тебя будут провоцировать, — продолжил он. — В Академии у многих есть интересы.

У Демидовых, у Салтыковых, у Черкасских Ты должен быть осторожен.

Он перечислял кланы так, будто читал список покупок.

— Демидовы, — повторил я.

— Да, — кивнул дядя. — Особенно они.

— И что вы предлагаете? — спросил я.

Дядя поставил чашку.

— Я предлагаю договор, — сказал он.

Я внутренне напрягся.

В этом мире договоры не всегда подписываются чернилами.

— Какой? — спросил я.

Дядя открыл ящик стола и достал папку. Не толстую. И это было плохо: самые опасные документы всегда короткие.

Он положил папку передо мной и развернул.

Текст был ровный, юридический, с печатями. На первой странице крупно: Семейное соглашение об управлении родовыми активами.

Я пробежал глазами.

Суть была проста: я официально подтверждаю опекунские полномочия дяди ещё на два года в целях стабилизации, а он обязуется содержать наследника, обеспечить обучение и защищать интересы рода.

И отдельно — маленький пункт, написанный так, чтобы его не заметили без привычки:

Наследник обязуется не инициировать самостоятельных проверок финансово-имущественных операций рода без согласования с опекуном.

То есть: не лезь.

Красиво.

Я поднял взгляд.

— Это ультиматум? — спросил я.

— Это забота, — ответил дядя. — Подпишешь — и всё будет спокойно.

Я закрыл папку.

— Не подпишу, — сказал я.

Дядя не удивился.

— Подпишешь, — сказал он тихо.

И вот в этот момент я понял: он не угрожает словами.

Он готовится.

В воздухе было что-то едва заметное. Как перед грозой. Как натяжение тонкой нити.

Я посмотрел на его руку.

На перстень с печатью рода, который носил не я.

На рисунок: крылатая птица и три звезды.

— Перстень отца? — спросил я.

Дядя посмотрел на свою руку так, будто впервые заметил, что она существует.

— Он был у меня на хранении, — сказал он.

— Верните, — сказал я.

Дядя улыбнулся.

— Верну, когда ты станешь готов.

Я медленно вдохнул.

Я мог бы приказать. Сказать: Отдай.

И перстень, возможно, сам слетел бы с его пальца и упал мне в ладонь.

Но цена и последствия и факт, что он ждёт этого.

Он провоцирует меня раскрыться.

Значит, нужно иначе.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда сделаем так: вы даёте мне доступ к кабинетам и архиву дома, а я подписываю соглашение.

Дядя чуть прищурился.

— Архив? — переспросил он.

— Да, — подтвердил я. — Я же наследник. Хочу знать историю рода. Без финансов. Просто историю.

Я сделал голос мягче, почти наивным.

Ложь.

Но ложь, которую он хочет услышать.

Дядя задумался.

— Архив опасен, — сказал он. — Там есть вещи, которые

— могут меня расстроить? — закончил я. — Я уже расстроен, дядя.

Он усмехнулся.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я подумаю.

Это означало нет, но не окончательно. Он оставлял себе пространство.

— Подпись — завтра, — добавил он.

— Я тоже подумаю, — сказал я.

Дядя поднялся. Это был сигнал: разговор закончен.

— Отдыхай, Дмитрий, — произнёс он. — И не используй свои новые способности без необходимости. Это вредно.

Он знает. Или догадывается.

Я тоже встал.

— А вы? — спросил я. — Вы пользуетесь магией?

Дядя остановился у двери и обернулся. В его взгляде на секунду промелькнуло раздражение.

— Я? — переспросил он. — Я, Шереметьев.

И вышел.

Дверь закрылась, и я остался один.

Тишина в кабинете теперь казалась не выставленной, а настоящей — потому что никто не дышал рядом.

Я подошёл к окну.

Во дворе стояли люди. Охрана. Больше, чем было утром. И это не были обычные домашние.

Некоторые носили на запястьях одинаковые браслеты — тонкие, незаметные, с красной нитью внутри металла.

Контрактники.

Наёмники, привязанные магическим договором.

Значит, дядя не просто боится за меня. Он укрепляет позиции.

Я провёл пальцами по медальону под рубашкой. Трещина холодила кожу.

Нужно было действовать быстро. Но без лишней крови.

Я вышел из кабинета, пошёл по коридору к себе. Слуги отводили глаза. Охрана делала вид, что не смотрит, но я чувствовал взгляды на спине.

У своей двери я остановился — и услышал шёпот.

Изнутри.

В комнате кто-то был.

Я не сделал вид, что не заметил. Я медленно открыл дверь.

Комната выглядела как обычно — постель, столик, ларец. Но у окна стояла девушка.

Молодая. В простой форме служанки, но ткань была слишком качественной, чтобы быть слугой. Волосы убраны, руки без следов работы.

И главное — она держала пальцы так, будто только что ставила печать на воздух.

Она обернулась.

Глаза серые, спокойные, слишком взрослые.

— Дмитрий Александрович, Ваша Светлость — сказала она. — Простите. Мне велели передать.

— Кто? — спросил я.

Она посмотрела на дверь, будто проверяя, слышит ли кто-то.

— Тот, кто не хочет, чтобы вы подписали соглашение, — произнесла она тихо. — И тот, кто не может прийти сам.

Она протянула мне маленький конверт без подписи.

Я не взял сразу.

— Назови имя, — сказал я.

Девушка улыбнулась. Слегка. Без тепла.

— Если я назову — меня убьют, — сказала она. — Если вы не возьмёте — вас убьют. Выбирайте, княжич.

Слова прозвучали буднично, как прогноз погоды.

Я взял конверт.

Бумага была плотная, с едва заметной тиснёной полосой по краю. Не дворянская. Канцелярская, но дорогая.

— Кто ты? — спросил я, не отрываясь от конверта.

Девушка сделала шаг назад, к окну.

— Я — посыльная, — сказала она. — Сегодня.

И добавила:

— Не пользуйтесь приказом при свидетелях, Дмитрий Александрович. В доме есть уши.

И не все они человеческие.

После этого она открыла окно и просто вышла наружу.

Не прыгнула. Не упала.

Шагнула — и её фигура растворилась в воздухе, как дым.

Я поднёс конверт к свету, потом вскрыл.

Внутри была тонкая карточка и один лист.

На карточке — знак: крылатая птица и четыре звезды.

Не наш герб.

Почти наш.

И подпись: Регентская канцелярия. Сектор внутренней безопасности.

Лист был короткий.

Ваша Светлость, Дмитрий Шереметьев.

Не подписывайте соглашение. Ваша подпись активирует контрактную печать, ограничивающую ваш источник.

В Академии найдите профессора Ратникова (кафедра права печатей). Скажите: Я видел курьера без лица.

Живите до начала учёбы. Всё остальное — потом.

Я перечитал дважды.

Контрактная печать. Ограничение источника.

Вот почему дядя так спокоен. Он не боится моей силы — он собирается надеть на неё поводок.

И письмо от регентской канцелярии?

Значит, у империи есть второй игрок. Тот, кто следит за такими, как я. И, возможно, тот, кто решает, кто из них должен выжить.

Я слышал шаги в коридоре.

Слишком тяжёлые для слуги.

Охрана.

Я быстро спрятал письмо под ларец, под двойное дно — Дмитрий знал о нём, память тела подсказала. Руки сработали сами: щёлк, бумага ушла в тайник.

Дверь распахнулась без стука.

Степан Платонович стоял на пороге, мрачный.

— Дмитрий Александрович, — сказал он. — Его Светлость просит вас спуститься. Ужин.

Я кивнул.

— Иду, — сказал я.

Он задержал взгляд на открытом окне.

— Сквозняк, — заметил он.

— Проветриваю, — ответил я.

Он кивнул, но я увидел: он понял, что окно открывали не ради воздуха.

Когда он ушёл, я подошёл к зеркалу.

На губе всё ещё была тонкая полоска крови — засохшая. Я стёр её рукавом.

Тело слабое. Врагов много. Союзников — неизвестно.

Но теперь у меня было главное: подтверждение, что дядя готовит печать.

И имя: Ратников.

А ещё — фраза-пароль, которая звучала как бред.

Курьер без лица.

Я взял медальон в ладонь и сжал.

— Ладно, — сказал я тихо самому себе. — Тогда играем быстро.

Глава 6

Глава 6 — «Ужин с печатью»

Столовая была слишком светлой для вечера.

Люстры горели на полную мощность, на серебре играли отблески, а белая скатерть казалась почти ослепительной. Свет не для уюта — для контроля. Под таким светом не спрячешь дрожь рук, не скроешь усталость, не утаишь взгляд.

Дядя сидел во главе стола. По правую руку — Степан Платонович, по левую — женщина в строгом тёмном платье: сухая, аккуратная, с лицом, которое умеет выражать сочувствие ровно настолько, насколько нужно для протокола.

— Дмитрий, — сказал дядя, когда я вошёл. — Познакомься. Это Вера Никитична Климова, наш семейный врач.

Наш. Конечно.

Я кивнул.

— Ваша Светлость, Дмитрий Александрович, — врач поднялась и чуть склонила голову. — Рада, что вы вернулись в строй.

В словах было что-то странное. Не домой, не к семье. В строй.

Дядя жестом предложил мне место ближе к себе, как бы демонстрируя доверие. Я сел напротив Климовой — чтобы видеть её руки.

Ужин начался так, будто мы действительно семья.

Суп, мясо, гарнир, вино в бокалах, которое мне не налили. Всё слишком правильно. И слишком тихо: слуги двигались бесшумно, двери закрывались мягко.

Дядя говорил о погоде, о ремонте в одном из городских домов, о знакомом чиновнике, который не умеет держать слово.

Я слушал и ждал, где будет удар.

Он пришёл не сразу.

Когда подали чай, дядя откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня открыто.

— Дмитрий, — произнёс он, — Вера Никитична осматривает тебя после ужина. Ты потерял слишком много крови сегодня.

Я поднял брови.

— Я не терял слишком много, — сказал я. — Нос — мелочь.

Климова мягко улыбнулась.

— Иногда мелочи важнее, чем кажется, Ваша Светлость — сказала она и поправила манжету. На запястье мелькнул тонкий браслет — белый металл и красная нить внутри.

Такой же, как у контрактников во дворе.

Я поставил чашку.

— Вы тоже на контракте? — спросил я прямо.

Вера Никитична не растерялась.

— На службе, — ответила она.

Дядя вмешался, как дирижёр, который не любит фальшь.

— Дмитрий, — сказал он спокойно, — перестань искать врагов там, где их нет. Вера Никитична — профессионал. Она следила за твоим здоровьем ещё до трагедии.

До трагедии.

— Тогда она должна знать, — сказал я, — что у меня нет хронических заболеваний.

Климова кивнула:

— Конечно Ваша Светлость. Но у вас есть наследственная предрасположенность к истощению при неправильном использовании источника. А источник у вас вероятно, пробуждается.

Я почувствовал лёгкий холодок.

Слишком точная формулировка.

— Вероятно? — уточнил я.

— Мы не проводили полное измерение, — ответила она.

Дядя подался вперёд.

— Проведём, — сказал он. — Завтра.

Я улыбнулся, не показывая зубов.

— Завтра у меня дела, — сказал я.

— Какие? — спросил дядя, и в голосе впервые прозвучало настоящее любопытство.

— Сборы в Академию, — сказал я.

Он кивнул.

— Тебе помогут.

— Я сам, — ответил я.

Пауза.

Дядя поставил чашку, и звук фарфора о блюде был слишком звонким.

— Дмитрий, — произнёс он. — Ты стал резким.

— Я стал живым, — сказал я.

Климова посмотрела на меня чуть внимательнее. Не как врач — как человек, который оценивает объект.

Слуги начали убирать посуду.

Дядя поднялся.

— Пройдём в малую гостиную, — сказал он. — Там удобнее.

Это была не просьба. Но я всё равно пошёл.

Малая гостиная находилась рядом, отделана темнее: бархатные шторы, низкий столик, диван. Здесь можно было говорить тихо, и слова не уходили вверх под потолок, как в столовой. Здесь они оставались между людьми.

Врач закрыла дверь.

Дядя сел в кресло. Я остался стоять.

— Дмитрий, — сказал он. — Я не хочу конфликтов. Но я обязан обеспечить стабильность рода.

— Стабильность — это когда наследника не контролируют контрактами, — ответил я.

Он чуть улыбнулся.

— Ты умный, — сказал он. — Но ум — это не опыт.

Климова подошла ближе, держа в руках небольшой футляр.

— Это просто анализ, — сказала она. — Капля крови на кристалл. Безопасно. Без боли.

Я посмотрел на футляр.

Артефактный анализатор. Идеальная вещь, чтобы случайно снять параметры источника. Или поставить метку.

Письмо предупреждало: подпись активирует печать. Но это не значит, что других способов нет.

— Откажусь, — сказал я.

Климова на секунду задержала дыхание.

Дядя не изменился в лице.

— Тогда я буду вынужден применить меры, — сказал он спокойно. — Ради твоего же блага.

— Например? — спросил я.

Дядя кивнул Степану Платоновичу, который стоял у стены, как тень.

Степан сделал шаг вперёд.

И в этот момент я почувствовал магию — грубую, силовую, как захват.

Не приказ.
Печать удержания.
Воздух вокруг плеч сжал меня, будто невидимые ремни. Тело на мгновение не послушалось.
Дядя не двигался.
Не он.
Значит, у них в комнате — артефакт. Или контрактник с печатью.
Я не дёрнулся. Любой резкий рывок — и ремни затянут сильнее.
— Дмитрий, — сказал дядя ровно, — не заставляй нас
Я смотрел не на него.
На Климову.
Её браслет снова блеснул. Красная нить внутри металла пульсировала едва заметно.
Контракт активен. И он сейчас пытается.
Я медленно, очень медленно опустил руку к столу и взял чайную ложку. Просто ложку.
— Отпустите, — сказал я.
— После анализа, — ответил дядя.
Тогда я сделал то, чего он не ожидал: не приказал отпустить. Не ударил. Не вызвал бурю.
Я сломал ложку.
Сжал в пальцах — и тонкий металл хрустнул, как сухая ветка. Края вонзились в ладонь.
Боль была резкая, настоящая. Кровь капнула на ковёр.
И вместе с болью пришло ясное холодное состояние, знакомое с прошлой жизни: когда тебя держат — ты выбираешь, где именно у тебя будет свобода.
Я поднял руку, показал кровь.
— Хотели каплю? — сказал я тихо. — Берите.
Климова шагнула автоматически, как врач, который видит рану.
И в этот момент ремни удержания ослабили на долю секунды — потому что печать удержания реагирует на намерение угрозы, а не на врачебный подход.
Мне хватило этой доли.
Я шагнул вперёд, сблизился с Климовой настолько, что она не успела отреагировать, и на выдохе произнёс:
— Стой.
Слово ударило в пространство.
В груди вспыхнуло холодом, будто туда вылили воду из колодца. Цена. Снова цена.
Но эффект был мгновенным: Климова застыла. Футляр завис в её руках.
Степан рванулся — и остановился, как будто ударился о стекло. Наёмники за дверью шумно вдохнули.
Дядя поднялся резко впервые за весь вечер.
— Дмитрий! — в его голосе впервые была злость. — Ты
Я повернул голову к нему.
Не повышая голоса, произнёс второе слово:
— Сядь.
Меня пронзило так, что на секунду потемнело в глазах. Это было сильнее, чем приказ Корнееву. Потому что дядя — не нотариус. Дядя — маг, пусть и не афиширующий это. Сопровождение было, как камень под ребрами.
Но приказ проломил.
Дядя сел.
Медленно, будто его придавило к креслу всей тяжестью его же уверенности.
Тишина стала густой.

Я стоял, держась свободной рукой за спинку дивана, чтобы не пошатнуться. Кровь текла по ладони, капала на пол — медленно, ровно.

Я видел страх в глазах Климовой — замороженный приказом. Видел, как Степан пытается дёрнуться, но не понимает, почему тело не слушается: он не под моим прямым приказом, но в комнате висела давящая структура магии, и это ломало ритм.

Дядя смотрел на меня снизу вверх.

— Вот оно как, — произнёс он тихо. — "Императорский приказ".

Я не ответил.

Он чуть наклонил голову.

— Ты убьёшь себя, Дима, — сказал он почти жалобно. — Ты даже не знаешь, как это работает.

— Я знаю, как работает ваша забота, — сказал я.

Я сделал вдох — и почувствовал, что сейчас, если скажу третье слово, меня может просто вырубить.

Нельзя.

Нужно выйти.

Я посмотрел на Климову.

— Отдай футляр, — сказал я.

Слова были обычные, без приказа, но она была всё ещё под стой. И потому послушно, рывком, как марионетка, протянула мне футляр.

Я взял.

Повернулся к Степану.

— Открой дверь, — сказал я.

Он колебался лишь секунду — не из-за приказа, а из-за привычки слушаться того, кто сильнее в моменте.

Открыл.

Я шагнул в коридор.

И только там, за порогом, снял давление:

— Отмена.

Слово вышло хрипло.

В комнате за спиной кто-то резко вдохнул, будто вынырнул из воды.

Я пошёл по коридору, стараясь не ускоряться. Не показывать слабость.

Но ноги стали ватными.

До своей комнаты я дошёл на упрямстве.

Закрыл дверь.

И только тогда позволил себе сесть на край кровати.

Рука болела. Кровь липла. В голове гудело так, будто рядом прошёл поезд.

Я открыл футляр.

Внутри лежал прозрачный кристалл в оправе и тонкая игла с рукоятью.

На игле — микроскопический узор.

Печать. Контрактная.

Я не был артефактором, но даже мне было ясно: это не анализ.

Это поводок.

Я сжал футляр и тихо рассмеялся.

Дядя хотел надеть на меня печать через врачебную процедуру. Потом — через подпись. Потом — через Академию.

Слишком много слоёв, чтобы это было импровизацией.

Значит, у него есть план. И есть время.

А у меня — три дня до Академии. И письмо, которое говорило: живи до начала учёбы.

Я промыл рану, перевязал ладонь — неумело, но достаточно. Дмитрий в прежней жизни вряд ли умел это делать, а я умел слишком хорошо.

Потом подошёл к окну.

Во дворе стояли те же люди. Контрактники.

И среди них — один, который не смотрел на дом. Он смотрел на окна.

На мои.

Я задержал взгляд.

Он поднял руку, будто поправил воротник — и на мгновение я увидел под манжетой тёмный знак, похожий на птицу.

Но не нашу птицу.

И не ту, что была на карточке из конверта.

Третью.

Я отступил от окна.

Потому что понял: даже если я вырвусь из рук дяди, меня уже взяли в прицел другие.

И если я начну рубить узлы приказами, я не доживу до Академии.

Нужно не рубить.

Нужно сделать так, чтобы они сами отпустили.

Я открыл ларец, достал письмо из тайника и ещё раз перечитал строчку про Ратникова.

Потом поднял глаза на своё отражение в стекле окна.

— Ладно, — сказал я тихо. — Завтра.

Завтра я сделаю то, что дядя не ожидает от напуганного мальчика.

Я начну собирать доказательства так, чтобы их нельзя было спрятать ни печатями, ни контрактами.

И если в доме есть нечеловеческие уши, значит, мне нужен разговор там, где уши не слушают.

На улице. В храме. В банке. В любом месте, где действует чужой закон.

Я задул свечу.

И лёг, не раздеваясь.

Сон пришёл тяжёлый и короткий.

А под утро я проснулся от тихого щелчка — как будто в замке провернули ключ.

Не в моей двери.

Внутри моей комнаты.

И понял, что сегодня мне снова придётся выбирать: кровь или хитрость.

Глава 7

Глава 7 — «Чужой в моей комнате»

Щелчок повторился — мягкий, аккуратный. Так щёлкают не грабители, а люди, которые уверены: им можно.

Сонный воздух был холодным. Света почти не было — только серое предутреннее, и тень от шторы лежала на полу как полоска ночи, которую ещё не успели стереть.

Я медленно перевёл взгляд на кресло у стола.

Там сидел человек.

Я был уверен: минуту назад его не было. И это означало, что он либо вошёл бесшумно и очень быстро, либо вошёл иначе.

Сидел удобно, чуть развалившись, как хозяин. Плащ тёмный, без знаков, капюшон опущен. Лицо — обычное. Слишком обычное. Такое, которое забывается сразу, если отвернуться.

И всё-таки в нём было то, что невозможно подделать: взгляд человека, который привык, что другие боятся.

— Доброе утро, Ваша Светлость, — сказал он спокойно. — Не кричите. Не зовите охрану. Она не войдёт.

— Почему? — спросил я тихо.

— Потому что дверь закрыта на мою печать, — ответил он. — А у ваших контрактников печати другого типа. Они умеют держать, но не умеют вскрывать.

Я сел, не торопясь, спустил ноги на пол. Никаких резких движений. Пусть думает, что я послушный.

— Кто вы? — спросил я.

— Назовём меня наблюдателем, — сказал он. — Я здесь, потому что вы вчера произнесли слова, которые не должны звучать в этом доме.

Он чуть наклонил голову.

— Стой. Сядь. И особенно — отмена. Мало кто из молодых вообще знает, что последнее слово существует.

Значит, он слышал. Или ему доложили. Но доложили — слишком просто. Он говорит так, будто присутствовал.

Я взглянул на окно. За стеклом — серый рассвет, двор, тёмные фигуры.

— Вы из регентской канцелярии? — спросил я.

Он улыбнулся одним уголком губ.

— Вы слишком доверчивы к бумаге, Ваша Светлость.

— Тогда вы откуда?

— Оттуда, где любят порядок, — сказал он. — И не любят, когда неправильные наследники начинают шевелиться.

Слова были произнесены легко, почти шутливо.

Но смысл был как нож.

Я не показал, что меня задело.

— Если вы пришли убить меня, — сказал я, — вы бы не разговаривали.

— Верно, — согласился он. — Я пришёл предложить вам путь, при котором вы останетесь живы. А ваш дядя — доволен.

— Это невозможно, — сказал я.

— Это трудно, — поправил он. — Но возможно.

Он достал из кармана тонкий футляр и поставил на стол. Точно такой же формат, как у Климовой — только металл темнее.

— Знаете, что это? — спросил он.

Я молчал.

— Это тихий ключ, Ваша Светлость — сказал он. — Печать, которая гасит всплески источника и делает вас незаметнее. Не навсегда. На время. Пока вы в Академии не поймёте правила игры.

Я усмехнулся.

— Поводок.

— Ремень безопасности, — ответил он спокойно. — Поводок — это то, что вам хотел надеть ваш дядя через врача. Грубо. Дёшево. С риском сломать вас. А это — аккуратно.

Я посмотрел на футляр.

Два поводка, предложенных разными руками, отличаются только тем, как ласково тебя зовут животным.

— А если я откажусь? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Тогда у вас есть три варианта. Первый: подписать соглашение дяди и стать его инструментом. Второй: не подписать и попасть под несчастный случай до отъезда. Третий: сбежать — и вас догонят.

Он сказал это так, будто перечислял остановки трамвая.

— Вы забыли четвёртый, — сказал я.

— Какой же?

— Я могу уничтожить тех, кто лезет ко мне, — сказал я.

Его улыбка стала шире.

— С вашим телом? С вашим ресурсом? После двух слов в гостиной вы уже дрожали. Вы не воин, княжич. Вы — символ. А символы ломают не мечом. Их ломают законом и печатью.

Я почувствовал раздражение — не из-за его слов, а из-за того, что он говорил правду.

Слишком много правды.

— Чего вы хотите? — спросил я.

Он слегка наклонился вперёд.

— Я хочу, чтобы вы доехали до Академии и не устроили там хаос, — сказал он. — И чтобы вы не пытались тянуть ниточку к смерти ваших родителей. Рано.

Вот оно.

Не не опасно. А рано.

— Почему рано? — спросил я.

Он поднял палец.

— Потому что вы не понимаете, что именно вы найдёте. И кто именно окажется в конце нитки. Иногда конец нитки — не человек. Иногда — институт.

Он сделал паузу, давая словам лечь.

— А ещё потому, что если вы дёрнете сейчас, — добавил он, — вас сотрут так, что даже нотариус не вспомнит, что вы существовали. У нас умеют.

Я молчал.

Внутри была злость. Холодная. Не истерика — решение.

— Вы из того же круга, что и курьер без лица? — спросил я.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Вы видели курьера? — спросил он вместо ответа.

— Видел, — сказал я.

— Где? — спросил он.

Я медлил ровно секунду. Проверял: реагирует ли он на конкретику.

— В коридоре нотариальной палаты, — сказал я.

Он кивнул — слишком спокойно для человека, который услышал неожиданное.

Значит, он знал.

— И вы правильно сделали, что выжили после этого, — сказал он. — Эти курьеры ставят метку. Не на тело. На судьбу. Потом события начинают складываться так, что вы либо идёте туда, куда вам надо, либо умираете по дороге.

Он постучал пальцем по футляру.

— Тихий ключ сбивает метку с ритма. Вы становитесь для неё плохой целью. Слишком скользкой.

Я усмехнулся.

— И сколько стоит ваша забота?

— Немного, Ваша Светлость — сказал он. — Вы подписываете одну бумагу. Не дядину. Моё уведомление о добровольном сотрудничестве с Имперской службой внутреннего порядка.

— Значит, вы всё-таки от империи.

— От той части империи, которая не светится на гербах, — уточнил он.

Я посмотрел на дверь.

— Вы проникли в дом. Поставили печать. Вы не боитесь моего дяди?

— Ваш дядя боится не меня, — сказал он. — Ваш дядя боится того, что я представляю.

Он достал второй лист — тонкий, с печатями.

— Я не прошу вас любить империю, княжич, — сказал он. — Я прошу вас прожить до Академии. И сделать вид, что вы согласны на осмотр врача. Но вместо её печати вы примете мою. Тихую. Безопасную. И временную.

Я поднял глаза.

— А вы точно не врётё? — спросил я.

Он улыбнулся.

— Если бы я хотел вас сломать, я бы не пришёл один. И не оставил бы вам выбор.

Ложь. Он пришёл один, потому что ему так удобнее. А выбор оставил, потому что уверен: я возьму.

И всё равно

В этом доме у меня не было хороших вариантов. Были только разные степени плохих.

Я посмотрел на свою перевязанную ладонь. Пульсация боли возвращала в реальность.

Третье применение приказа за сутки — и я рискую просто рухнуть. И они этим воспользуются.

Нужен выигрыш времени. До Академии. До Ратникова.

— Я подпишу уведомление, — сказал я. — Но без ключа.

Он чуть прищурился.

— Вы не понимаете.

— Понимаю, — сказал я. — Вы хотите поставить печать. Я не откажусь от печати. Но я хочу видеть её структуру.

Он засмеялся. Тихо.

— Смело.

— Осторожно, — поправил я. — Если вы ставите на меня что-то, я должен знать, что это.

Он задумался на мгновение. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Смотрите.

Он открыл футляр.

Внутри лежал плоский чёрный диск размером с монету, с тонкими серебряными линиями. Линии были не просто узором — это была схема. Печать. Сложная. Многоуровневая.

Я прищурился.

Даже без глубоких знаний я видел: в ней нет захвата, нет привязки к воле хозяина. Есть маска, глушитель, рассеивание.

И всё равно — это вмешательство.

— Сколько действует? — спросил я.

— До первого снятия у специалиста, — ответил он. — Или до трёх недель, потом она сама распадается.

— Кто может снять? — спросил я.

— Профессор Ратников, например, — сказал он спокойно.

Слишком удобно.

Значит, письмо и этот человек могут быть из одной игры. Или из двух, но ведущих меня в одну точку.

— Хорошо, — сказал я. — При одном условии.

— Каком?

— Вы скажете, что именно дядя хотел поставить через врача, — сказал я. — Не общими словами. Конкретно.

Он вздохнул.

— Контракт Ограничение воли источника, — сказал он. — С привязкой к опекуну. Вы могли бы использовать приказ но только с разрешения печати рода, которую держит ваш дядя. И каждый раз цена для вас была бы выше.

То есть: он бы не просто меня контролировал. Он бы сделал так, чтобы мои попытки сопротивления ускоряли мою смерть.

Я кивнул.

— Тогда — да, — сказал я. — Временная маска. И уведомление.

Он протянул лист.

Я взял перо, подписал.

Подпись была Дмитрия. Но решение — моё.

— Теперь печать, — сказал он.

— Будет холод, — сказал он.

Он подошёл ближе, приложил диск к внутренней стороне моего запястья — туда, где тонкая кожа. Диск коснулся, и я почувствовал, как будто на меня набросили мокрый плащ из зимнего воздуха.

Холод пошёл по венам, но не резал — скорее, гасил. Как если бы кто-то накрутил громкость моей магии на минимум.

Сердце стукнуло сильнее, потом успокоилось.

Диск растворился. На коже остался едва видимый знак — линия, похожая на запятую.

— Всё, — сказал он. — Теперь вы тише.

— И слабее, — сказал я.

— И живее, — ответил он.

Он сделал шаг назад, и печать на двери щёлкнула — отпуская.

— Ещё совет, Ваша Светлость, — сказал он на прощание. — Сегодня утром ваш дядя попытается помириться. Будет мягким. Будет улыбаться. И снова предложит подпись. Не подписывайте. И не показывайте, что вы знаете про врача.

— А вы? — спросил я. — Вы уйдёте и забудете?

Он посмотрел на меня долгим, пустым взглядом.

— Я не забываю, — сказал он. — Я просто жду, когда вы станете полезнее живым, чем мёртвым.

И исчез.

Не ушёл. Не вышел. Просто — перестал быть в комнате.

Воздух стал обычным. Даже слишком.

Я подошёл к двери, проверил — открывается. В коридоре было пусто. Тишина.

Я вернулся к столу и увидел: на столешнице осталась пылинка чёрного порошка — след печати.

Я смахнул её на ладонь. Порошок был тёплым.

И пах железом.

Империя. Не гербы. Не парады. Железо.

Через час дом проснулся. Слуги зашуршали, охрана задвигалась. В дверь постучали.

— Дмитрий Александрович, — голос Марфы. — Его светлость просит вас к завтраку.

Я ответил:

— Иду.

Подошёл к зеркалу, поправил рубаху.

На запястье знак почти не был виден. И это было самое страшное: теперь на мне была чужая вещь, которую никто не замечает.

Я вышел в коридор.

И впервые за последние дни ощутил странное: давление дома стало тише. Как будто нечеловеческие уши вдруг потеряли часть слуха.

Значит, маска работает.

А значит, сегодня у меня есть шанс сделать то, что я не мог вчера: пройти по дому и взять то, что мне нужно, не оставляя магического следа.

Доказательства.

Архив.

И, если повезёт, — тропинку к тому, кто поставил на меня метку в нотариальной палате.

Глава 8

Глава 8 — «Архив, бессмертный»

За завтраком дядя был идеален.

Тёплый голос, лёгкая усталость на лице, доброжелательный взгляд. Он играл роль заботливого опекуна так чисто, что любой посторонний поверил бы безоговорочно.

Я ел молча, слушал.

Дядя поставил чашку.

— Дмитрий, — сказал он почти ласково, — я подумал о твоей просьбе. Об архиве.

Я поднял глаза.

— И? — спросил я ровно.

— Ты можешь пройти туда сегодня, — сказал он. — В сопровождении Степана. Просто чтобы не потеряться.

Не потеряться — это, конечно, значит ничего не унести.

Но это было больше, чем я ожидал. Значит, он уверен, что архив безопасен. Или уверен, что я ничего не смогу в нём найти.

Или, что хуже, — уверен, что архив покажет мне ровно то, что он хочет.

— Хорошо, — сказал я. — После завтрака.

Дядя улыбнулся.

— Вот и отлично. И ещё, Дмитрий — он сделал паузу, — по поводу вчерашнего. Ты был взволнован. Это нормально. Мы семья. Мы должны решать вопросы без эксцессов.

Он не сказал магии. Он сказал эксцессов. Красивое слово для попытки поставить поводок на наследника.

— Да, — сказал я. — Без эксцессов.

Климова чуть заметно прищурилась, будто пытаясь уловить во мне что-то. Маска на запястье работала: я чувствовал себя тише. Взгляд врача не цеплялся.

После завтрака Степан подошёл ко мне.

— Прошу за мной, Дмитрий Александрович, — произнёс он.

Мы шли вниз, в старую часть дома.

Новый этаж был светлым, широким, парадным. Чем ниже — тем темнее становились коридоры. Стены меняли обивку на дерево, потом на камень. Воздух пах пылью и чем-то ещё — сухим, холодным, как закрытая шкатулка.

— Архив давно не открывали? — спросил я.

— Открывали, Ваша Светлость — ответил Степан. — Когда нужно.

— Кому нужно? — уточнил я.

Он не ответил.

Мы остановились у тяжёлой двери без ручки. На ней — выцветший знак рода: птица и три звезды. Под знаком — круглая выемка, словно под печать-перстень.

Степан достал ключ.

Не металлический. Костяной.

Вставил в щель у косяка, провернул. Дверь не скрипнула — просто отпустила, как будто её держала не механика, а решение.

— Внутри только вы, Ваша Светлость — сказал Степан. — Я буду у двери.

— Вы же для того, чтобы я не потерялся, — заметил я.

— Чтобы никто не вошёл, — спокойно ответил он.

То есть: чтобы никто не вышел с лишним.

Я кивнул и вошёл.

Архив был не комнатой — полуподвалом с низким потолком. Стеллажи уходили вглубь, как ряды в храме. Папки, книги, тубусы, шкапулки. На стенах — железные полосы с печатями. На полу — рисунок круга, едва видимый в камне.

И самое главное: в архиве было тихо так, что слышно собственный пульс.

Я сделал шаг — и воздух чуть дрогнул, как будто отреагировал.

Печати. Охранные. Старые.

Я не знал их языка, но чувствовал их смысл: не трогай, не выноси, не лги здесь.

Хорошо. Значит, это место не полностью под контролем дяди. Старые печати не меняют хозяина по желанию.

Я пошёл вдоль стеллажей, читая корешки. Договоры земельные, Реестр вассалов, Династические браки, Дела судебные.

И — отдельный ряд: Протоколы печатей.

Я остановился.

Это было то, что мне нужно.

Если дядя играет печатями, значит, следы должны быть в протоколах. Даже если он их подчищал — сам факт подчистки оставляет дыру.

Я снял первую книгу.

Обложка тяжёлая, кожа потрескалась. Я открыл.

Почерк был старый, строгий. Записи велись столетиями. И везде — подписи хранителей рода.

Я листал осторожно, пока не нашёл раздел последних лет.

И там — странность.

Два года назад записи начали идти реже. Слишком редко. Потом — провал на несколько месяцев. И после провала подпись хранителя сменилась.

Хранитель рода.

Имя было: П. В. Шереметьев.

Пётр Владимирович.

Я не знал такого. Но фамилия — наша.

Кто это? Двоюродный? Дальний? Или человек, которого убрали.

Я листнул дальше.

Последняя запись перед провалом:

В связи с непредвиденным инцидентом печать родового перстня временно передана на хранение опекуну. Допуск в архив ограничить.

Непредвиденный инцидент.

Я сжал пальцы на краю страницы.

Это могло быть что угодно. Но звучало так, будто инцидент придумали как ширму.

Я поискал следующую запись — после провала.

Хранитель П. В. Шереметьев от исполнения обязанностей отстранён по состоянию здоровья. Обязанности временно исполняет А. С. Шереметьев.

Состояние здоровья. Удобная формулировка.

Я почувствовал холод внутри.

Хранителя убрали. Или сломали. Потому что хранитель — это тот, кто знает, кто имеет право на печати.

Если дядя держит перстень отца, значит, он не просто забрал украшение. Он забрал право.

Я закрыл книгу и осмотрелся.

Нужно было найти что-то о смерти родителей. Не копии — а то, что сюда заносят по традиции: свидетельства, решения, печати.

Я пошёл к полке с семейными делами.

Папки были разного цвета. Моя память — память Дмитрия — подсказала: чёрные папки — траурные дела.

Я достал одну. На корешке: Александр и Елизавета. 12-й год правления.

Руки чуть дрогнули.

Я открыл.

Первое — официальное свидетельство. Печати. Подписи. Причина смерти: несчастный случай при инспекции военного объекта.

Дальше — записка канцелярии о выплатах, о трауре, о назначении опекуна.

И — тонкая вкладка, как будто её хотели спрятать.

Я вытащил.

Там был лист с коротким текстом и красной печатью. Печать не имперская. Не нотариальная.

Круг с разрывом — будто змея, кусающая свой хвост, но хвост отсутствует.

И подпись: Сектор контроля печатей. Протокол закрыт.

Я замер.

Сектор контроля печатей — это уже не дядина игра. Это государственная структура. Та самая часть империи, которая не светится.

На листе было написано:

Объект Наследник подлежит наблюдению. Протокол передачи печати рода — удерживать у опекуна до стабилизации источника. Любые попытки самостоятельного доступа — пресекать.

Объект Наследник.

Меня описывали как вещь.

Я услышал снаружи едва заметный стук — Степан кашлянул. Сигнал: время.

Я быстро вернул лист на место.

Но не так, как было.

Я подделал порядок: положил сверху другой документ, чтобы при беглой проверке вкладка не светилась сразу. Плохая подделка — но она даст мне минуту, если кто-то начнёт листать при мне.

Я выдохнул.

Теперь ясно: дядя — не единственный, кто держит меня на поводке. У него есть покровители. Или кураторы.

И курьер без лица — часть этой же системы.

Я хотел уйти — и заметил ещё одну вещь.

В дальнем углу архива стояла металлическая шкатулка на цепи. Не на полке — отдельно. Как объект, который опасно смешивать с бумагой.

На цепи была бирка: Не открывать. Хранительская ответственность.

Я подошёл.

На крышке — четыре звезды.

Не три.

Это был знак, похожий на карточку из письма регентской канцелярии.

Я провёл пальцем по крышке, не открывая. Металл был холодный, но откликался как живой. Артефакт.

И тогда я понял: это может быть то, что дядя не контролирует. То, что оставили как страховку.

Я оглянулся на дверь.

Степан не мог видеть внутрь, но мог слышать. И здесь могли быть нечеловеческие уши.

Я не стал открывать.

Вместо этого я сделал проще: наклонился и посмотрел на замок. Он был не под ключ. Он был под слово.

То есть: открывается формулой. Паролем. Таким, который знает хранитель.

Хранитель — Пётр Владимирович. Которого отстранили по здоровью.

Мне нужен этот человек.

Я выпрямился, пошёл обратно к выходу, не ускоряясь.

— Всё? — спросил Степан, когда я вышел.

— Пока да, — ответил я. — Я хочу встретиться с хранителем. С Петром Владимировичем.

Впервые за долгое время лицо Степана изменилось. Не много — только мышцы вокруг глаз.

— Он болен, — сказал он.

— Наследнику полезно видеть историю рода, — ответил я. — И людей, которые её хранили.

Степан молчал секунду, потом кивнул:

— Я передам.

Мы поднялись наверх. Дом снова стал светлым, нормальным.

Но теперь я видел в нём другое: не дом, а механизм. Каждая дверь — клапан. Каждый слуга — винт. Каждый разговор — провод.

Вечером дядя позвал меня в кабинет.

Он сидел у стола, в руках — та самая папка с соглашением.

— Ну что? — спросил он. — Архив успокоил тебя?

— Наоборот, — сказал я.

Его улыбка дрогнула, но быстро вернулась.

— Тогда тем более пора подписать, — мягко произнёс он.

Я посмотрел на папку.

А потом — на его перстень.

— Завтра, — сказал я. — Я подпишу.

Дядя расслабился. Чуть-чуть.

— Вот и разумно, — сказал он.

Я кивнул.

Пусть думает, что выиграл.

Потому что завтра я подпишу.

Но не то, что он ждёт.

И не той рукой, которая ему нужна.

А сегодня ночью я найду способ поговорить с Петром Владимировичем — больным хранителем.

Потому что в архиве был ответ на главный вопрос: меня не должны были оставлять в живых без контроля.

А раз меня оставили — значит, я кому-то был нужен.

И мне нужно понять — кому.

Глава 9

Глава 9 — «Хранитель по состоянию тишины»

Ночь в доме не была тёмной.

риглушённой: коридоры подсвечены редкими лампами, шторы плотно закрыты, шаги слуг — выверены. Даже сквозняки здесь, казалось, ходили по расписанию.

Я лежал на кровати и считал секунды между обходами.

Печать тихого ключа на запястье работала: внутри было спокойнее, и магический фон не зудел, как днём. Но спокойствие не равно безопасности.

Я дождался третьего обхода после полуночи.

Тишина стала ровной, как натянутая струна.

Я встал, накинул тёмную куртку и вышел.

В коридоре воздух был холоднее. Дежурный огонёк лампы давал мало света, но достаточно, чтобы видеть: у окна на лестнице стоял контрактник. Лицо пустое, глаза без интереса. Браслет с красной нитью — виден.

Я пошёл не вниз, к парадной лестнице, а в старое крыло, где ходить не положено. Там меньше света и больше дверей, которые запирают не ключом, а привычкой.

На первом повороте меня остановил шёпот.

Не голос.

Как будто кто-то провёл ногтем по стеклу — внутри уха.

Я замер.

Память тела Дмитрия подсказала: в доме стоят слуховые печати. Они реагируют на магию, на приказ, на резкое намерение. Но сейчас я был тише.

Я сделал вдох и продолжил идти. Медленно. Спокойно. Как слуга с поручением.

У стены висела картина — старый портрет с трещинами лака. Под рамой — маленькая металлическая пластина. На ней — те же тонкие линии, что на браслетах контрактников.

Слуховая печать.

Я прошёл мимо, не ускоряясь. Шёпот утих.

Пётр Владимирович, если он вообще жив, не может находиться в парадной части дома. Его бы видели.

Значит — либо чердак, либо подвал старого крыла. Туда и прячут болезни, которые нельзя показывать.

Я дошёл до двери в конец коридора. Дверь выглядела обычной: потёртая, с простой ручкой. Но на косяке была тонкая вмятина — след от снятой печати.

Здесь раньше держали защиту. Потом сняли. Чтобы человек внутри не мог выйти?

Я нажал ручку.

Заперто.

Я наклонился к замку. Старый, механический. Пальцами я мог бы вскрыть его за минуту, но звук разбудит весь коридор.

Нужен обход.

Я посмотрел вверх: над дверью была вентиляционная решётка. Слишком большая для вентиляции — скорее, чтобы подавать воздух в комнату, где кто-то долго сидит.

Я подтянулся, аккуратно снял решётку — крепилась на двух винтах. Винты были ослаблены нарочно: чтобы обслуживать, не шумя.

Сетка внутри оказалась широкая. Я просунул руку, нащупал край внутреннего короба и подтянулся.

Тесно. Пыль. Запах старого дерева и лекарства.

Я пролез.

Через минуту, весь в пыли, я оказался по ту сторону двери — в маленькой прихожей. Здесь не было света, только слабое мерцание из-под другой двери, дальше.

Я подошёл и прислушался.

Внутри — дыхание. Тяжёлое. Чужое.

Я постучал тихо.

Дыхание на секунду остановилось.

— Кто? — спросил хриплый голос.

— Дмитрий, — сказал я. — Дмитрий Александрович.

Долгая пауза.

— Врёшь, — ответил голос. — Дмитрий маленький был. А сейчас — пустота.

Я вздрогнул.

Человек за дверью говорил так, будто видел меня не глазами, а чем-то другим.

— Откройте, — сказал я. — Мне нужно поговорить. Я один.

Снова пауза. Потом щелчок — но не замка. Засов.

Дверь приоткрылась на ладонь.

Я увидел лицо.

Мужчина лет сорока пяти, но выглядел старше. Щёки впалые. Глаза мутные, но не больные — усталые. На шее — след от печати: тонкая полоска, словно ожог в форме кольца.

Он смотрел на меня пристально.

— Ты не Дмитрий, — сказал он тихо.

— Я Дмитрий, — ответил я. — Просто я теперь помню больше.

Он хмыкнул.

— Помнит больше — он отступил. — Заходи. Раз пришёл — значит, случилось.

Я вошёл.

Комната была маленькой и чистой, как больничная палата: кровать, стол, табурет, шкаф. На стене — икона без оклада и рядом — лист бумаги с какими-то формулами, перечёркнутыми и переписанными.

На полу — круг мелом, стертый местами.

Человек закрыл дверь и повернул засов.

— Пётр Владимирович? — спросил я.

Он кивнул, не глядя.

— Был, — сказал он. — Теперь — по состоянию здоровья. Смешно, да?

— Почему вас отстранили? — спросил я.

Он сел на край кровати, будто ноги не держали.

— Потому что я не хотел отдавать перстень, — сказал он. — И потому что я слишком много видел.

— Перстень теперь у дяди, — сказал я.

— Я знаю, — Пётр поднял глаза. — Я чувствую печать рода. Она всегда тянется к своему. И она сейчас не там.

Я молчал секунду.

— Вы хранитель печатей? — спросил я.

— Был, — повторил он. — Хранитель — это не должность. Это приговор. Ты либо защищаешь родовой закон, либо тебя делают ненужным.

Я достал из кармана сложенный лист — не тот, который нашёл в траурной папке, а свой маленький блокнот, где я успел переписать ключевую строчку из архива (без печатей и подписи). Показал ему формулировку про объект Наследник и протокол закрыт.

Пётр прочитал, и лицо его стало серым.

— Они и сюда добрались, — прошептал он.

— Кто они? — спросил я.

Он поднял руку и показал на свою шею.

— Сектор контроля печатей, — сказал он. — Люди, которые делают вид, что защищают империю от магии. А на деле — защищают магию от людей.

— Они убили моих родителей? — спросил я прямо.

Пётр долго молчал.

— Я не видел, как убивали, — сказал он наконец. — Но я видел, как закрывали следы. А это почти то же самое.

Он встал, подошёл к шкафу, достал маленькую деревянную коробку и поставил на стол.

— Здесь, — сказал он. — То, что я успел сохранить. Не документы. Документы сторают. Печати стирают. А вот это это память.

Он открыл коробку.

Внутри лежал кусок воска с отпечатком печати. И маленькая стеклянная пластинка, как негатив.

— Что это? — спросил я.

— Слепок с закрывающей печати, — сказал Пётр. — Той, которой закрыли протокол по смерти твоих родителей. Её нельзя хранить официально. Но я сделал слепок. И спрятал.

Я наклонился.

Оттиск был сложный: круг с разрывом, внутри — тонкие линии, похожие на сеть. Как будто кто-то ловил не тело, а информацию.

— Это государственная печать? — спросил я.

— Формально — да, — ответил Пётр. — Но на самом деле она принадлежит не государству. Она принадлежит системе. Её используют, когда нужно, чтобы событие стало единственно возможным.

Я вспомнил слова наблюдателя: метка на судьбу.

— Курьеры без лица — сказал я.

Пётр вздрогнул.

— Ты видел? — спросил он резко.

— Да.

Он отступил на шаг, словно от огня.

— Тогда слушай внимательно, — сказал Пётр тихо. — Курьер — это не человек. Это переносчик печати причинности. Тебя помечают, и дальше мир начинает подстраиваться. Случайности становятся законом.

— Как снять? — спросил я.

— Нельзя снять, — ответил Пётр. — Можно только сделать так, чтобы метка не знала, куда тянуть. Разорвать цепочку решений.

— Каких решений? — спросил я.

Он посмотрел на меня, и в этом взгляде было то, чего я не видел у дяди: настоящая усталость от выбора.

— Не подписывать, — сказал он. — Не принимать чужие ключи. Не идти туда, куда тебя ведут словами.

Я автоматически коснулся запястья.

Пётр заметил.

— Уже принял? — спросил он.

Я не ответил.

Он кивнул, будто и так понял.

— Тогда хотя бы знай: каждая печать, которую ты берёшь на себя, делает тебя предсказуемее, — сказал он. — Тебя можно читать. Как книгу.

— Вы знаете пароль к шкатулке в архиве? — спросил я.

Пётр посмотрел на меня долго.

— Знаю, — сказал он наконец. — Но если я скажу — ты откроешь. А если откроешь — они узнают. Шкатулка не приклеена к месту. Она связана с наблюдением.

— Мне нужно то, что внутри, — сказал я.

— Там не то, что тебе нужно, — ответил Пётр. — Там то, что тебя ломает, если ты откроешь слишком рано.

Он подошёл ближе и тихо добавил:

— Ты думаешь, ты один такой неправильный наследник? Нет. Та шкатулка — список. И не только.

— Тогда что мне делать? — спросил я.

Пётр взял стеклянную пластинку и протянул мне.

— Возьми это, — сказал он. — Это не документ. Это отпечаток. В Академии есть кафедра права печатей. Есть люди, которые умеют читать такие вещи, не поднимая шум.

— Ратников, — сказал я.

Пётр вздрогнул снова.

— Откуда ты знаешь это имя? — спросил он.

Я понял, что лучше не говорить про письмо и наблюдателя. В этом доме слова путешествуют быстро.

— Слышал, — ответил я.

Пётр медленно кивнул.

— Ратников да, — сказал он. — Он не любит сектор контроля. Он старой школы. Он читает печати как музыку — слышит фальшь.

Он схватил мою руку — неожиданно крепко для больного — и посмотрел на перевязанную ладонь.

— И ещё, — сказал он. — Перестань использовать приказ в доме. Здесь стоят глушители закона. Они не дают приказу раскрыться полностью, но забирают цену целиком. Ты умираешь быстрее, чем должен.

— Я это уже понял, — сказал я.

— Нет, — Пётр покачал головой. — Ты понял головой. А телом — ещё нет. Твоё тело не готово к императорскому тону. Тебя можно сломать одним неверным словом.

Он отпустил меня и сел обратно.

— Слушай, Дмитрий или кто ты там, — сказал он тише. — Уезжай в Академию. Там ты хоть под чужими правилами, но не под дядиными стенами.

— А вы? — спросил я.

Пётр улыбнулся — впервые.

— А я уже не играю, — сказал он. — Меня списали. И это моя защита. Пока я болен, я жив.

Я встал.

— Я вернусь, — сказал я.

— Не возвращайся ночью, — ответил он. — Возвращайся человеком, который может ломать печати не силой, а знанием.

Я кивнул, спрятал пластинку и слепок воска во внутренний карман, ближе к груди.

— Как мне выйти? — спросил я.

— Вентиляцией, — сказал Пётр. — И не оглядывайся.

Я полез обратно, выбрался в коридор.

И только когда решётка встала на место, я понял: моя ладонь дрожит.

Не от страха.

От того, что я держал в кармане реальную ниточку — не эмоцию, не подозрение, а след печати, которой закрыли смерть родителей.

Это было оружие.

И одновременно — билет в войну, которую я ещё не видел.

Я вернулся в комнату до следующего обхода.

Лёг, не раздеваясь.

И в темноте услышал то, чего не должен был слышать под тихим ключом — едва заметное, как шелест бумаги:

Шёпот в стене.

Будто дом произнёс моё имя.

И где-то далеко, за пределами поместья, эта же печать причинности отметила: наследник сделал шаг в сторону.

А значит — его нужно вернуть.

Глава 10

Глава 10 — «Подпись, которой не было»

Утро началось с визита.

Не с завтрака, не с приказа слуг. С визита, который не могли назвать проверкой, но который ею был.

Марфа постучала в дверь ровно в девять:

— Дмитрий Александрович, к вам гость. Из канцелярии.

Сердце не ускорилося — ускорила мысль.

— Пусть ждёт в гостиной, — сказал я. — Я сейчас.

Пластинка и воск от Петра лежали во внутреннем кармане дорожного жилета. Я не носил их постоянно — только когда знал: сегодня будет движение. Сегодня — подпись.

Я умылся, надел парадную рубаху, застегнул манжеты. Тихий ключ на запястье не бросался в глаза.

В малой гостиной сидел мужчина в сером сюртуке. Без плаща, без оружия, без выражения лица. На столике перед ним — папка. На папке — герб империи.

Дядя стоял у окна, спиной к свету, как любил: чтобы его лицо читалось хуже.

— Дмитрий, — сказал он, не оборачиваясь. — Это господин Левицкий. Имперская нотариальная канцелярия. Он поможет оформить наше соглашение правильно.

Нотариальная канцелярия в доме. Значит, дядя решил не рисковать второй раз в городе. И привёл подпись ко мне.

Левицкий поднялся, слегка поклонился.

— Ваша Светлость, — сказал он нейтрально. — Я засвидетельствую вашу подпись и внесу соглашение в реестр.

— Спасибо, — ответил я.

Дядя повернулся.

— Всё будет просто, — сказал он мягко. — Ты подпишешь, мы закрепим, и ты спокойно поедешь в Академию.

Я кивнул.

— Конечно.

И сделал вид, что всё действительно просто.

Потому что вчера ночью я понял: прямое нет здесь не работает. Они либо давят, либо убирают. Значит, нужен ход, после которого давить станет опасно им самим.

Я сел за стол. Левицкий разложил бумаги.

— Прошу вас прочитать, Ваша Светлость — сказал он.

Я прочитал. Тот же текст. Те же пунктиры, те же в целях стабилизации. И тот же пункт о запрете самостоятельных проверок.

Только теперь внизу был добавлен новый блок: Печать ограничения источника (опционально).

Опционально — как зубное удаление без обезболивания, по желанию.

Дядя заметил мой взгляд и улыбнулся:

— Это формальность. Никаких печатей, если ты не захочешь.

Ложь, сказанная уверенно, всегда звучит как забота.

Я поднял глаза на Левицкого.

— Господин Левицкий, — спросил я, — вы независимы?

Тот моргнул.

— Я служу империи, Ваша Светлость.

— То есть не моему дяде, — уточнил я.

Левицкий чуть напрягся, но кивнул:

— Разумеется.

Хорошо.

Я достал из внутреннего кармана другой лист.

Левицкий посмотрел на него вопросительно.

— У меня тоже есть документ, — сказал я. — Уведомление о добровольном сотрудничестве с Имперской службой внутреннего порядка. Я хочу, чтобы вы засвидетельствовали подпись и на нём тоже. Сегодня.

Дядя замер.

Едва заметно — но я видел: плечи стали жёстче.

Левицкий поднял брови.

— Такой документ обычно оформляется не через нас, — осторожно сказал он.

— Но вы нотариус империи, — ответил я. — Подпись — это подпись. Я хочу, чтобы факт был зарегистрирован.

Левицкий колебался.

Я добавил тихо:

— Я наследник. И я имею право фиксировать своё волеизъявление.

Слова были правильные. Юридические. Дяде нечем крыть, не показывая раздражения.

— Дмитрий, — сказал дядя мягко, но в мягкости прозвенела сталь, — ты отвлекаешься. Мы решаем семейные вопросы.

— Это и есть семейный вопрос, — ответил я. — Если империя берёт меня под наблюдение, это касается рода. Я не хочу скрывать.

Я видел, как Левицкий внутренне принял решение: лучше перестраховаться и оформить, чем отказаться и потом объясняться, почему он отказал наследнику.

— Покажите документ, — сказал он.

Я передал.

Дядя подошёл ближе, попытался взглядом прочесть строки. Но я держал лист так, чтобы он видел лишь заголовок и первые слова. Дядя слишком умён, чтобы вырвать бумагу при нотариусе.

Левицкий пробежал глазами, нахмурился.

— Здесь нет герба службы, — сказал он.

— Потому что это уведомление, а не контракт, — ответил я. — Герб ставят они после регистрации.

Я не знал, так ли это на самом деле. Но звучало правдоподобно. И главное — Левицкий не был уверен в обратном.

Он кивнул медленно:

— Хорошо. Но я обязан удостовериться, что вы подписываете добровольно.

Я посмотрел на дядю.

— Добровольно, — сказал я.

И вот здесь был ключевой момент: я подписывал первым не соглашение дяди, а уведомление для имперской структуры. Это делало меня человеком, который уже находится в другой юрисдикции — пусть и формально.

Не защита, но рычаг.

Я взял перо.

И в этот момент почувствовал едва заметное давление — как будто кто-то в комнате затягивает нить вокруг моего запястья.

Климова. Она стояла у двери, тихо, как тень. И её браслет снова пульсировал.

Она пыталась активировать свою печать ограничения — не через бумагу, а через присутствие, через осмотр, через фон.

Тихий ключ на запястье приглушил всплеск, но я всё равно ощутил попытку.
Я не поднял головы. Не дал им понять, что заметил.

Просто подписал уведомление.

Подпись вышла ровной.

Левицкий поставил свою отметку и взял печать.

— Я зарегистрирую это сегодня же, — сказал он. — Теперь — соглашение?

Дядя улыбнулся.

— Теперь — соглашение, — повторил он.

Я взял папку.

И вместо того, чтобы подписать, перевернул страницу и сказал:

— У меня есть правка.

Дядя моргнул.

— Какая правка? — спросил он.

— Я подписываю, — сказал я, — если в соглашение добавляется пункт: опекун обязуется предоставить наследнику доступ к родовому архиву без сопровождения и без ограничений, а также вернуть родовой перстень в течение семи дней.

В комнате стало тише.

Левицкий поднял глаза.

— Это существенное изменение, Ваша Светлость — сказал он осторожно.

— Существенное, — подтвердил я. — Но справедливое.

Дядя смотрел на меня, не моргая. В его взгляде была оценка: откуда у мальчика зубы?

— Дмитрий, — сказал он тихо, — мы обсуждали архив. Я пошёл тебе навстречу.

— Вы пошли мне навстречу со Степаном у двери, — сказал я. — Это не доступ. Это экскурсия.

Дядя улыбнулся шире.

— И перстень? — спросил он. — Зачем тебе перстень сейчас?

— Потому что я наследник, — ответил я.

Я видел, как Левицкий нервно сглотнул. Он понимал, что присутствует при семейной войне, но уже вошёл — и выйти просто так не может.

Дядя сделал шаг к столу, положил руку на папку.

— Ты не подпишешь, — произнёс он тихо. — И ты знаешь, чем это закончится.

Я посмотрел на него.

— Вы хотите угрожать при нотариусе империи? — спросил я спокойно.

Левицкий напрягся и чуть отодвинулся.

Дядя убрал руку.

— Я не угрожаю, — сказал он мягко. — Я предупреждаю. В городе опасно. В Академии опасно. Без моей опеки тебя разорвут.

— Тогда вам выгодно, чтобы я подписал правку, — сказал я. — Потому что если со мной что-то случится после отказа, то у имперского нотариуса останется запись: я отказался отдавать права без доступа к архиву и без перстня.

Дядя понял.

Я увидел это по глазам: он понял, что я ставлю ему рамку. Не юридическую идеальную — но достаточную, чтобы сделать несчастный случай неудобным.

— Это шантаж? — спросил он тихо.

— Я страхуюсь, — ответил я.

Климова у двери шагнула вперёд.

— Ваша Светлость, — сказала она мягко, — вы слишком возбуждены. Вам нужно

— Молчать, — перебил я.

Не приказом. Просто словом. Но я сказал это так, что она остановилась.

Левицкий кашлянул:

— Господа я обязан действовать в рамках процедуры. Если стороны не согласны, соглашение сегодня не будет подписано.

Дядя посмотрел на нотариуса и улыбнулся:

— Разумеется. Никакого давления. Мы семья.

Он снова посмотрел на меня.

— Хорошо, Дмитрий, — сказал он. — Я согласен на пункт про архив. Но перстень — нет. Семь дней — слишком мало.

Я сделал вид, что думаю.

На самом деле я уже знал: перстень он не отдаст добровольно. Но мне важно было другое: зафиксировать конфликт и выиграть время. До отъезда.

— Десять дней, — сказал я.

— Тридцать, — ответил дядя.

— Четырнадцать, — сказал я.

Он выдержал паузу — ровно столько, чтобы показать: уступка даётся с трудом.

— Двадцать один, — сказал он.

Я кивнул.

— Двадцать один.

Левицкий быстро внес правку. Дядя поставил подпись первым, демонстрируя доверие.

Перо легло в мою руку.

И снова я почувствовал тонкое давление — попытку Климовой подвести печать ограничения под момент подписи.

Тихий ключ приглушал мою магию, но и мешал им считывать мои всплески. Я был как радиостанция на низкой громкости.

Я подписал.

И в момент подписи сделал то, что было единственным реальным риском за весь день:

Не применил приказ.

Просто активировал медальон под рубашкой — слегка, на грани ощущения.

Треснутый артефакт отозвался холодом в груди.

И этот холод на секунду сбил чужую настройку в комнате, как короткий помеховый импульс. Если Климова и пыталась наложить опциональную печать в момент подписи — у неё сорвало синхрон.

Я почувствовал: ничего не защёлкнуло на источнике. Не было ощущения замка.

Левицкий поставил печать нотариуса.

— Готово, Ваша Светлость — сказал он. — Соглашение зарегистрировано.

Дядя выдохнул — едва заметно.

— Отлично, — сказал он. — Дмитрий, ты молодец.

Я улыбнулся в ответ.

— Спасибо, дядя.

Мы оба понимали: это не мир. Это перемирие на бумаге.

Левицкий собрал документы, поклонился и ушёл. Климова тоже ушла — слишком тихо, слишком быстро, будто ей не терпелось что-то проверить.

Когда дверь закрылась, дядя подошёл ко мне ближе.

— Ты вырос, — сказал он почти ласково. — Слишком резко.

— Бывает, — ответил я.

Он посмотрел на моё запястье, туда, где был знак тихого ключа.

Я почувствовал его взгляд, как прикосновение.

— У тебя на руке что-то, — сказал он негромко.

Я опустил рукав.

— След от повязки, — ответил я.

Дядя улыбнулся.

— Конечно, — сказал он. — Отдыхай. Завтра — сборы. Послезавтра — выезд.

Он ушёл, оставив меня в кабинете на секунду одного.

Я не пошевелился, пока не услышал его шаги далеко в коридоре.

Потом медленно выдохнул.

Я подписал. И не умер.

Но это было только начало: теперь они будут искать, почему я не сломался.

Я вернулся в комнату, достал пластинку и воск, спрятал глубже — в подкладку дорожной сумки.

И впервые за много дней почувствовал не страх, а ясное ощущение хода партии:

Я выиграл два дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.